

ЧЕЛОВЕК
4:2010

СОДЕР

Человекознание: история, теория, метод

Возвращение философской антропологии:
субъективные размышления

Ф. Долмейр

5

Теоретическая культурология в эпоху кризиса культуры

А.А. Пелипенко

12

Перспективы гуманизма

Гуманитарное знание и участники инновационного
процесса

И.И. Ашмарин

28

Откуда и куда

Чехов с нами?

Т.Ф. Гобзева

39

Семья, прокреация. Плюральность эротического
ландшафта

С.И. Голод

43

Лицо человеческое

“Бегущая ложа многодаровитая мать художеств”.

Образ женщины в итальянской и русской культурах
XIV–XVI веков

Е.Н. Гурова, С.М. Климова

54

Личность и власть

“Китайская грамота” как ресурс модернизации

Д.С. Воропаев

66

Человек в религиях мира

Жиздительное слово книги Иова

Б.М. Цейтлин

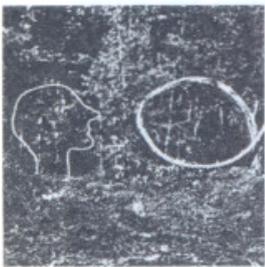
83

Язык мой

Социальная стратификация и естественный язык

Т.В. Амосова

91

ЖАНИЕ

О временах, о нравах

- 100 Универсалия служения как составляющая авторитарного идеала в Московской Руси
Р.С. Истамгалин
- 108 Некрополь на Красной площади. Революционные воплощения традиционных символов
А.В. Бабайцев

Архив

- 124 “Стремиться к идеалу всякому позволено...”
С.Н. Корсаков
- 130 Письма А.М. Деборина Г.В. Плеханову (1906–1917)

Судьба

- 147 Афро-европейский интеллеktуал Леопольд Сенгор
И.Л. Андреев

Из фондов культуры

- 157 “Нигилистская мода” против “блеска комильфотности”
И.К. Черемушникова

Быть или может быть

- 167 Информационный аспект сознания
С.Д. Прудюс

Листая новые страницы

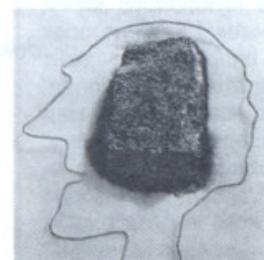
- 181 Корсаков С.Н. Комплексная концепция человека в философии И.Т. Фролова. М., 2009
Ю.Д. Гранин

38 Новые книги

- 186 Аннотации и ключевые слова публикуемых статей
- 192 К сведению авторов
- 190 Содержание на английском языке

© Российская академия наук, 2010

© Редколлегия журнала “Человек” (составитель), 2010

АРХИВ

“СТРЕМИТЬСЯ К ИДЕАЛУ ВСЯКОМУ ПОЗВОЛЕНО...”

Письма А.М. Деборина Г.В. Плеханову (1906–1917)

© 2010 Вступительная статья, подготовка текста писем
и комментарии *Сергея Николаевича Корсакова*

Абрам Моисеевич Деборин (настоящая фамилия Иоффе; 1881–1963) — академик АН СССР, выдающийся философ-марксист, основатель Института философии, того Института, что вот уже свыше 80 лет располагается в Москве на Волхонке, 14. Жизнь А.М. Деборина отразила все драматические перипетии развития философии в нашей стране в XX веке.

После революции 1917 года, когда философию хотели “выбросить за борт” как буржуазный пережиток, А.М. Деборин сумел защитить достоинство этой великой науки. Он объединил вокруг себя талантливых молодых философов (Я.Э. Стэна, И.К. Луппола, Н.А. Карева, Б.М. Гессена и др.) и во второй половине 1920-х годов организовал масштабные исследования по теории диалектики, истории философии, философским вопросам естествознания. То было временем подлинного расцвета профессиональной философии в стране. Венцом проведенной Дебориным и деборинцами работы стало создание 12 апреля 1929 года Института философии.

Но в следующем году развитие философских исследований в России было трагически оборвано. Сталин сам пожелал стать главным философом. Для достижения этой цели он нашел малограмотных, но старательных подручных — М.Б. Митина, П.Ф. Юдина, Ф.В. Константинова, М.Д. Каммари. Деятельность А.М. Деборина и деборинцев была объявлена вредительской, а весь прежний состав Института философии разогнан¹. Деборин пытался покончить с собой, но его удалось спасти. Сталин позволил ученому работать в Академии наук, — в целях утверждения собственного культа “отцу народов” был полезен поверженный враг, признавший поражение, — но запретил писать что-либо по философским вопросам. Академик Деборин был вынужден перейти в Институт истории, где занимался в основном научно-организационной работой.

В расцвете сил ученый был оторван от любимой науки. Все ученики Деборина были репрессированы. Сам он жил под невероятным прессингом публичных обвинений, время от времени узнавая о гибели очередного своего ученика. В сценарии самой последней сталинской кровавой мистерии — антисемитской кампании борьбы с “космополитами” — Деборину была уготована роль одного из обвиняемых. Несколько человек, ранее работавших вместе с ним в Президиуме АН СССР, уже были арестованы. Их обвиняли в участии в террори-

Материал подготовлен при поддержке РГНФ; проект № 09-03.00611а.

¹ См.: Наш философский дом: К 80-летию Института философии РАН. М., 2009.

стической группе, замышлявшей уничтожение руководителей Академии наук. Деборин же изображался следователями Министерства госбезопасности покровителем этой группы. Параллельно “разрабатывалось” другое дело с теми же участниками — о “еврейской националистической группе”, якобы проводившей в Академии шпионскую деятельность, организовывавшей гонения и убийства русских ученых. Готовилось публичное осуждение Деборина на специальном заседании Президиума АН СССР. Спасением стала смерть тирана.

В последнее десятилетие своей жизни академик Деборин много работал в области истории философии и социально-политических учений. Он также задумал объемный труд, в котором на большом историко-философском материале стремился показать закономерность возникновения коллективистских, коммунистических, марксистских идей. Ученый намеревался, в частности, дать характеристику первых работ К. Маркса, в особенности его теории отчуждения, и раскрыть социализм как процесс восстановления целостного человека.

Возраст и болезни помешали осуществлению замысла. Однако академик Деборин стал свидетелем возрождения профессиональной философии в стране, которое шло именно по тем путям, которые проложили деборинцы в 1920-х годах: теория диалектики на основе изучения “Капитала”, историко-философские исследования Б. Спинозы, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, разработка философских вопросов передовых направлений естествознания — квантовой механики, теории относительности и генетики. Редактором посмертно вышедшего тома сочинений А.М. Деборина² стал Э.В. Ильенков, неоднократно посещавший академика. Поддерживал А.М. Деборин добрые отношения и с Б.М. Кедровым.

Многие страницы истории отечественной философии XX века пока не изучены. Место истины часто занимают мифы. Предстоит кропотливая работа по исследованию архивных документов, по осмыслению и оценке философских книг и статей, анализу взаимоотношений действующих лиц. Одним из шагов в этом направлении призвана служить настоящая публикация, в которой на документальном материале можно проследить становление А.М. Деборина как философа. Речь идет о многолетней переписке ученого с Г.В. Плехановым.

Путь А.М. Деборина к марксистской философии был типичен для интеллигента рубежа XIX — XX веков. Революционный кружок в училище, чтение нелегальной литературы, пропаганда среди рабочих, скитания по России, участие в демонстрациях, арест, эмиграция. Оказавшись в Германии, Абрам Иоффе слушал в Берлинском университете крупнейших философов и экономистов того времени — Ф. Паульсе-

**Абрам Моисеевич
Деборин
(1881–1963)**

**В публикации
использованы
фотографии из
семейного архива
А.М. Деборина
(за исключением
фотографии
Г.В. Плеханова)**

² Деборин А.М. Социально-политические учения Нового и Новейшего времени. Т. 2. М., 1967.

Г.В. Плеханов (1856–1918).
Фотография взята из кн.:
Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 4. М., 1957

³ Подробнее см.: Воспоминания академика А.М. Деборина / Публикация С.Н. Корсакова // *Вопр. философии.* 2009. № 2. С. 113–133.

⁴ Там же. С. 117–118.

⁵ Публикуемое ниже письмо А.М. Деборина Г.В. Плеханову от 5 февраля 1907 года.

на, Г. Зиммеля, Г. Лассона, Г. Шмоллера, А. Вагнера³. За участие в собрании русских социал-демократов в 1904 году был выслан из Германии; переехал в Швейцарию, где поступил на философский факультет Бернского университета. Его профессором философии здесь был Л. Штейн. Но в большей степени молодой философ формировался благодаря индивидуальным библиотечным занятиям. В 1908 году Абрам Иоффе окончил Бернский университет.

К тому времени Иоффе был весьма начитан в русской и немецкой философской и политической литературе. Хорошо знал классическую философию Нового времени, в особенности Б. Спинозу, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, прекрасно разбирался в социал-демократической литературе, изучал К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского. С 1905 года начал печататься в “Die Neue Zeit” (“Новое время” — теоретическом журнале немецкой социал-демократии. В Берне Абрам Иоффе познакомился с Георгием Валентиновичем Плехановым.

Вот что вспоминал на склоне лет сам А.М. Деборин: «Будучи еще в России, я был знаком со всеми ра-

ботами Георгия Валентиновича Плеханова, составлявшими хорошую закваску для дальнейшего продвижения в науке. Мое знакомство с Плехановым состоялось на вокзале в Берне. Мы, русские студенты, бегали на вокзал узнавать последние новости из России. Однажды я увидел на вокзале гражданина, углубленного в чтение газеты и похожего на Плеханова, которого я знал только по портретам. Я был молод, смел. Я подошел к нему и спросил: “Скажите, пожалуйста, не вижу ли я перед собою Георгия Валентиновича?”. А он как-то не очень был рад этой встрече, так как шпионы высматривали и ловили таких людей, как Плеханов. Я это понял, и дал ему понять, что я русский социал-демократ, и чрезвычайно был бы рад с ним познакомиться. Давайте, я говорю, побеседуем на научную тему, я знаю все Ваши работы. Тогда только началась настоящая беседа, которую оба остались довольны. С этого дня началась наша дружба»⁴.

Случилось то, о чем Деборин мог только мечтать. Состоялась главная встреча его жизни. Плеханов был для Деборина идеалом ученого и революционера, а его сочинения — образцом работы в философии. В одном из своих писем Плеханову Деборин писал: “Я буду стремиться и впредь оставаться верным учеником своего учителя, который будет служить мне образцом и идеалом. Стремиться к идеалу всякому позволено...”⁵

Вначале, примкнув к РСДРП, А. Иоффе определился как большевик. Он даже был в числе тех бернских эмигрантов из России, кто

пригласил в 1904 году Ленина в Берн для чтения доклада об итогах II съезда РСДРП. Однако познакомившись с Плехановым, Иоффе перешел на позиции меньшевиков, среди которых оставался до Октябрьской революции.

В 1907–1908 годах А.М. Деборин написал свою первую большую философскую работу — «Введение в философию диалектического материализма». В ней он поставил задачей показать, что возникновение диалектического материализма было закономерным результатом того пути, который прошла философия Нового времени. Этим объясняется и отбор материала для книги. Оставив в стороне континентальный рационализм Р. Декарта и Г.В. Лейбница, автор сосредоточился на развитии английского эмпиризма, который благодаря Ф. Бэкону и Т. Гоббсу имел материалистический характер. Переломным моментом в развитии философии исследователь счел сенсуализм Дж. Локка. Философия Локка оказывается своего рода развилкой на пути философской мысли в силу своей противоречивости: мыслитель требует, чтобы наши представления соответствовали вещам, и вместе с тем считает, что мы не можем выйти за пределы наших ощущений. Последняя сторона локковской философии дала исток для феноменализма Дж. Беркли и психологизма Д. Юма, отрицающих связь субъекта с реальным миром и переносящих взаимосвязи в субъективный дух. Закономерным следствием юмизма стало появление трансцендентального идеализма И. Канта, для которого формы бытия, иначе говоря — категории, являются продуктом сознания, функцией субъекта. Отражение противоречивого характера действительности в антиномизме Канта столь же закономерно привело к объективно-идеалистической диалектике Гегеля, преодолевающей феноменализм и метафизику. Диалектический материализм справедливо рассматривается Дебориным в качестве наследника гегелевской философии.

Книга Деборина — не только историко-философское исследование. Она еще и остро полемична, направлена против махизма и его русской разновидности, представленной А.А. Богдановым, А.В. Луначарским и др. В этом смысле переписка Деборина и Плеханова открывает интересные страницы философской борьбы начала XX века.

Рукопись своей первой книги Деборин привез изерна Плеханову в Женеву. Плеханов внимательно читал и редактировал ее; стараясь издать, обращался с этим вопросом в журнал «Современный мир». Отказ журнала поместить статьи Деборина, подготовленные на

Абрам Иоффе
(Деборин)
1900-е годы

**А.М. Деборин
с первой женой
Розой Григорьевной
Ок. 1900-х годов**

⁶ Деборин А.М. Диалектический материализм // На рубеже: (К характеристике современных исканий): сб. СПб., 1909. С. 38–75.

⁷ См.: Деборин А.М. Введение в философию диалектического материализма. Пг., 1916.

основе глав рукописи, даже привел к временному острому конфликту Плеханова с редакцией журнала.

Ленин, который, как и Деборин с Плехановым, тогда боролся с махизмом и его русскими последователями в лице Богданова и др., знал о работе Деборина над книгой “Введение в философию диалектического материализма”. В 1909 году в одном из сборников было опубликовано извлечение из рукописи Деборина в виде отдельной статьи⁶. Широко известны критические заметки Ленина по поводу нее, напечатанные впоследствии в “Философских тетрадах”.

В октябре 1908 года А. Иоффе возвратился в Россию. В 1909 году он поселился в Петербурге, где жил в крайне тяжелых материальных условиях, долго безуспешно искал работу, даже имея рекомендательные письма от Г.В. Плеханова. Наконец Иоффе поступил на службу в типографию “Дер Фрайнд” (“Друг”), был сначала бухгалтером, затем заведовал ею, после чего заведовал конторой еврейской газеты “Дер Фрайнд”, где некоторое время также и со-

трудничал (в особенности после переезда в 1911 году редакции газеты в Варшаву). Именно тогда он взял себе литературный псевдоним — Деборин, в память об одной из бабушек, жившей в семье его родителей. Деборин продолжал поддерживать переписку с Плехановым. Их связывала общая борьба с махизмом и эмпириомонизмом Богданова, с религиозно-мистическими течениями, чрезвычайно популярными у русской интеллигенции начала XX века.

Рукопись книги “Введение в философию диалектического материализма” как марксистской и материалистической встретила цензурные и иные препятствия. Через переписку Деборина и Плеханова красной нитью проходит тема мытарств с изданием этой книги. Капитальному труду А.М. Деборина удалось выйти в свет только в 1916 году. Он был выпущен В.Д. Бонч-Бруевичем в книгоиздательстве “Жизнь и знание” с предисловием Г.В. Плеханова⁷. Впоследствии трижды переиздавался, а предисловие Плеханова печаталось в составе Сочинений и Избранных философских произведений Деборина.

В 1915 году в связи с обстоятельствами Первой мировой войны Деборин переехал из Варшавы в Петроград, работал в качестве уполномоченного Еврейского комитета помощи жертвам войны (в 1917 году переименован в Еврейский комитет помощи жертвам войны и контрреволюции) до 1920 года. Он стоял на позициях меньшевиков-интернационалистов и на этой почве в политических взглядах разошелся с Плехановым, который был оборонцем. Плеханов не мог простить Деборину его отношения к войне, которое квалифицировал как

Заседание Президиума Академии наук во главе с М.Н. Покровским и В.П. Милютиным. Крайний слева – А.М. Деборин. Конец 1920-х годов

“изменническое”. Разрыв произошел в 1917 году, по возвращении Плеханова в Россию. Деборин вспоминал: «Мне больно было потерять Плеханова и как личного друга, и как одного из виднейших лидеров нашей партии. Г.В. Плеханов прибыл в Петроград и выступил на собрании Совета солдатских депутатов. Речь шла тогда о том, что солдаты не захотели пойти в наступление на немцев, в чем их “уговаривали” оборонцы, стоявшие за войну “до победного конца”. В качестве сторонника войны “до победного конца” выступил и Плеханов. Я стоял на трибуне рядом с ним и был потрясен, когда он призывал солдат к наступлению и одобрил наказание смертной казнью тем, кто в наступление откажется пойти. Прощаясь с ним после его выступления, я совершенно откровенно высказал ему свое возмущение, а он меня обозвал “предателем”. С тех пор мы больше не встречались»⁸.

Свыше 10 лет (1906–1917) длилась переписка А.М. Деборина и Г.В. Плеханова. Письма эти — ценнейший источник по истории философии и культуры начала XX века, идейной жизни русской интеллигенции того времени. К сожалению, письма Плеханова Деборину не сохранились. Письма же Деборина Плеханову хранятся в Архиве Дома Плеханова Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Некоторые из них (с сокращениями) были опубликованы в 1973–1974 годах в составе “Философско-литературного наследия Г.В. Плеханова”⁹. Ниже публикуется весь комплекс писем Деборина Плеханову. Публикация подготовлена по оригиналам, хранящимся в Архиве Дома Плеханова¹⁰. Благодарим за содействие в получении текстов писем, а также предоставленные фотографии из семейного архива вдове академика Деборина — Ирину Иезекиилевну Деборину.

С. Корсаков
 “Стремиться
 к идеалу всякому
 позволено...”

⁸ Воспоминания академика А.М. Деборина. С. 118.

⁹ См.: Деборин А.М. Плеханову Г.В. [Письма]: июнь 1906 г. (в сокращении); 2-я пол. 1906 г.; кон. янв. 1907 г.; 5 февр. 1907 г.; 1908 г., начало; 23 апр. 1908 г.; 20 окт. 1908 г. // Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова: в 3 т. Т. 1. М., 1973. С. 219–228; Деборин А.М. Плеханову Г.В. [Письма]: 30 сент. 1909 г.; 24 окт. 1913 г.; 3 марта 1914 г. // Там же. Т. 3. М., 1974. С. 253–254, 287–291.

¹⁰ Письма Абрама Моисеевича Деборина Георгию Валентиновичу Плеханову // РНБ. Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 413В. 143.1–413В.143.31. Письма, не датированные А.М. Дебориным в день написания, были предположительно датированы впоследствии (по всей вероятности, им же) при формировании архивного фонда. Порядок следования публикуемых писем (в соответствии с нумерацией их единиц хранения) — хронологический. В письмах сохранены пунктуация их автора — А.М. Деборина, а также написание отдельных слов, характерное для начала XX века. Подчеркнутые в подлинниках писем слова в настоящей публикации даются курсивом.

[Берн, июнь 1906]

Глубокоуважаемый и дорогой
Георгий Валентинович!

Безмерно ценя Ваш покой, я долго не решался нарушить его, но крайняя нужда заставляет меня обратиться к Вам с настоящим письмом. Избавлю Вас от всего лишнего и приступлю прямо к делу. А дело то заключается в том, что у меня есть — как это ни странно — “потребность самосохранения”, между тем как “средства” захвачены собственниками. Твердо помня, что “hands”¹¹ только в том случае могут поддержать свое существование, когда они взамен дают свой труд, я, подобно Диогену, ищу с огнем в руке... не человека, а такого предпринимателя-благодетеля, который согласился бы использовать мои “руки”. Таким благодетелем может быть издатель, который давал бы мне работу по части переводов. К сожалению, все “жрать” хотят; и в общей “свалке”, называемой известными апологетами “гармонией”, побеждают наиболее приспособленные. Для меня почему-то никогда не существует “благоприятной конъюнктуры”. Задумал создать “искусственно”, независимо, так сказать, от господства законов свободной конкуренции.

Для меня нет ничего более неприятного, как обращаться к Вам по таким делам. Но я надеюсь, что Вы простите, ибо поймете. У меня нет положительно никаких “связей”. Круглый я сирота в этом отношении. Может быть, Вы можете что-нибудь сделать для меня, каким-нибудь образом помочь мне своим авторитетом и своими знакомствами. Мне очень тяжело писать Вам такие письма, но что делать? Приходится. Еще раз простите за беспокойство.

Я написал работу по вопросу о взаимоотношении феноменализма и материализма¹². Занимает она приблизительно 18—20 печатных листов. Основная часть *исторической* части работы сводится к тому, что английский эмпиризм, призванный преодолеть идеализм и субъективизм средневековой схоластики, в процессе развития своего сам в свою очередь принимает форму идеализма и субъективизма. Бэкон, Гоббс и отчасти Локк в своей борьбе против схоластики видят себя вынужденными пользоваться с одной стороны сенсуалистической теорией познания (в противоположность рационалистич[еской] схоластике), с другой — материализмом как базисом и основой сенсуализма. Беркли и Юм (отчасти уже Локк) отрывают сенсуалистич[ескую] теорию познания от материализма, устраняя этим объективный базис наших ощущений, каковое обстоятельство должно было неминуемо повести к субъективному идеализму, что в известном смысле означает возвращение к идеализму и субъективизму (абсолютный объективизм одних и абсолютный субъективизм других, таким образом, совпадают). Но берклеизм и юмизм также не проходят даром. Они в свою очередь готовят необходимые предпосылки для

¹¹ Руки (англ.).

¹² Имеется в виду работа А.М. Деборина “Введение в философию диалектического материализма”.

кантовской философии. Критицизм представляет синтез материализма, рационализма и эмпиризма (или юмизма). Отбросив в системе критицизма “материализм” и рационализм, получаем юмизм (т.е. “махизм”); мы, таким образом, снова возвращаемся к “первой ступени” и т.д.

Во второй части — систематической — дана критика феноменализма и сенсуализма как такового с точки зрения материализма.

С этой-то работой я и намерен приехать к Вам — если позволите — через месяца два — три, так как мне желательно выслушать Ваше мнение, воспользоваться Вашими указаниями и проч.

Глубоко Вас уважающий и преданный Вам

А. Иоффе

Читали ли Вы письмо Богданова в № 7 Вестника Жизни? Если нет, то я могу Вам немедленно прислать.

[1906 г. 2-я половина]

Дорогой учитель,
глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Вестник жизни я выслал Вам немедленно по получении Вашего письма. Надеюсь, что Вы его получили.

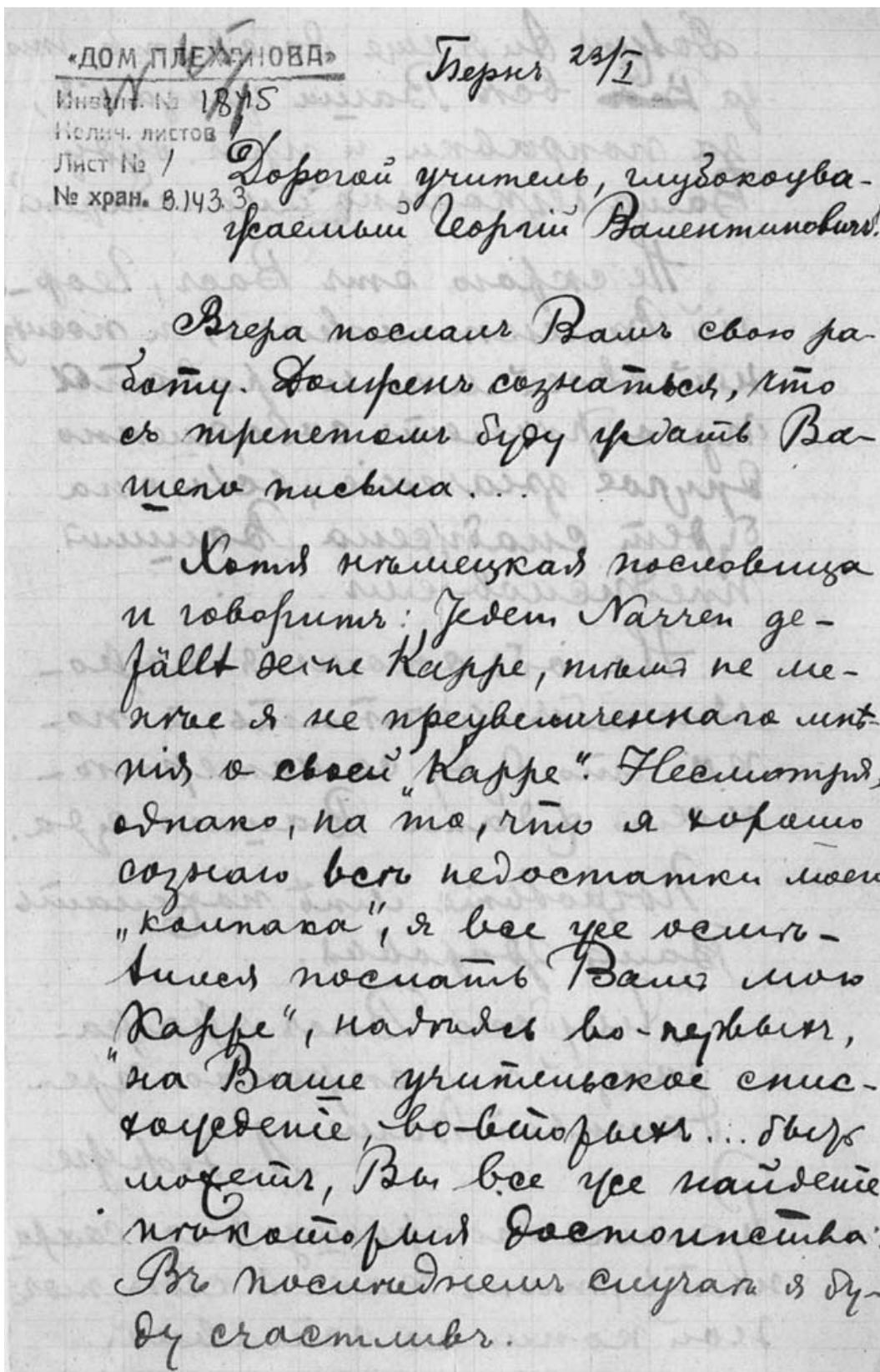
Что касается статьи для сборника, то, если Вы согласны, я напишу на тему “Прагматизм и диалектический материализм”.

В настоящее время, как мне кажется, противостоят друг другу три основных философских мировоззрения: трансцендентализм, психологизм и диалектический материализм. В своей работе “Введение в фил[ософию] диал[ектического] матер[иализма]” я и старался (удачно ли выполнена эта задача мной — не знаю, но таковы были, по крайней мере, мои стремления) показать, как эти три метода постепенно развились и т.д.

Трансцендентальный метод (и трансцендент[альный] идеализм как мировоззрение), который еще так недавно выступил у нас в России и в Германии с такой помпой, постепенно теряет всякий кредит. Против него ведет теперь борьбу также и психологизм или “эмпиризм”, что облегчает задачу диал[ектического] матер[иализма]. У диалектич[еского] матер[иализма] остается, таким образом, один серьезный враг — психологизм. Положительные стороны психологизма сближают последний с диал[ектическим] матер[иализмом], отрицательные же его стороны неизбежно ведут его к саморазложению. Разложение психологизма пойдет на пользу только диал[ектическому] матер[иализму] и должно означать торжество последнего. Такова, мне кажется, историческая и “логическая” “ситуация”...

АРХИВ

Письмо
 А.М. Деборина
 Г.В. Плеханову от
 23 января 1907 года

Прагматизм я намерен представить как разновидность психологизма. Сближение прагматизма с психологизмом и психологизма с прагматизмом должно иметь своей целью показать несостоятельность обоих и поколебать, по крайней мере, основы психологизма. Я не думаю, что мне удастся выполнить эту задачу в журнальной статье, не говорю я также, что исчерпаю

Вот так вы и еще добавите, что
за ~~Ваш~~ все Ваши указания,
за поправки и проч. Буду
Вашим безконечно благодарен.

Не скрою от вас, Георгий
Валентинович, и посету
ней своей мечты: радостно
предпримет совершенно
дружное зрание, если она
будет снабжена Вашими
предположениями. . . .

Но об этом я позво-
лдо себя мечтать, а по-
ка что буду с немерно-
мным жданием Вашего суда.

Позвольте мне пожелать
Вам здоровья.

Широко вас поздра-
вляю и некрепко пре-
данный вам
А. Гоффе

Рукопись поправил вас сохра-
нить, так как в себя пог-
ной копии не оставил.

вопрос, тем более, что прагматизм еще не вполне определен
и что литература вопроса крайне скудна (я буду пользоваться
исключительно книгой Джемса "Прагматизм"). Но такова моя
задача, таковы мои стремления im Allgemeinen¹³, и я должен
добавить, что весьма рад случаю поделиться мыслями с моим
дорогим учителем, которому я очень многим обязан.

¹³ В общем (нем.).

Итак, не потрудитесь ли Вы сообщить мне, согласны ли Вы с “темой” и к какому сроку приготовить статью? Позвольте мне пожелать Вам здоровья, здоровья и еще раз здоровья.

Глубоко Вас уважающий

А. Иоффе

Берн 23/1 [1907]

Дорогой учитель, глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Вчера послал Вам свою работу. Должен сознаться, что с трепетом буду ждать Вашего письма...

Хотя немецкая пословица и говорит: “Jedem Narren gefällt seine Karre”¹⁴, тем не менее я не преувеличенного мнения о своей “Карре”. Несмотря, однако, на то, что я хорошо сознаю все недостатки моего “колпака”, я все же осмелился послать Вам мою “Карре”, надеясь, во-первых, на Ваше учительское снисхождение, во-вторых, быть может, Вы все же найдете некоторые достоинства. В последнем случае я буду счастлив.

Должен ли я еще добавить, что за [нрзб, слово зачеркнуто] все Ваши указания, за поправки и проч., буду Вам бесконечно благодарен?

Не скрою от Вас, Георгий Валентинович, и последней своей мечты: работа приобретет совершенно другое значение, если она будет снабжена Вашим предисловием...

Но об этом я позволяю себе мечтать, а пока что буду с нетерпением ждать Вашего суда.

Позвольте мне пожелать Вам здоровья.

Глубоко Вас уважающий и искренне преданный Вам

А. Иоффе.

Рукопись прошу Вас сохранить, так как я себе точной копии не оставил.

[Берн, конец января 1907]

Дорогой товарищ,
Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Если Вы уже прочли мою рукопись до конца, то Вас, вероятно, поразило, что я в главе о неююмизме говорю, что Мах отказывается дать определение “массы” со своей феноменалистической точки зрения. Это, разумеется, неверно. Просматривая как-то черновик рукописи, я наткнулся на это место.

Но твердо зная, что Мах в “Механике” в особенности старается представить массу как “закон” скоростей и как “систему чисел”, называя это свое понимание массы “феноменологическим” (в отличие от механически-материалистического понимания физики), я [слова “бросился проверить” зачеркнуты]

¹⁴ “Всякий дурак хвалит свой колпак” (нем.).

понял сразу, что совершил промах, приписывая Маху такое невозможное “самопризнание”. Он не только не отказывается выразить “массу”, движение и пр. в терминах *психологии*, но, наоборот, считает это единственно правильным методом. Другой вопрос, насколько “система чисел”, “законы” и проч. доступны вообще “чувствам” (ведь Мах хочет быть сенсуалистом), а это чистейший рационализм (я бы сказал “неопифагореизм”). Но это вопрос другой. Важно то, я приписываю Маху то, чего он не говорил. А произошло это, очевидно, вследствие какого-то (для меня совершенно необъяснимого) ложного истолкования след[ующего] места из “Erkenntnis u[nd] Irrtum”¹⁵: “Aber eins ist zu beachten. Während es keiner Schwierigkeit unterliegt, *jades physische Erlebnis* aus Empfindungen, also *psychischen Elementen* aufzubauen ist keine Möglichkeit abzusehen, wie man aus den in der heutigen Physik gebräuchlichen Elementen: Massen und Bewegungen (in ihrer für diese Spezialwissenschaft allein dienlichen Starrheit) irgend ein *psychisches Erlebnis* darstellen könnte”¹⁶ (12 стр., примеч.). Очевидно, что Мах в этом месте желает подчеркнуть, что нет перехода от *движения* и *протяжения* к *мысленно*, к “психическим элементам”, как он выражается. И этим имеет в виду указать на “методологическую” несостоятельность материализма, который не в состоянии представить психическое в терминах массы и движения. Я же в силу какого-то недосмотра, в силу какого-то помут[ения] разума “вычитал” совершенно противоположное (должно быть, превратно понял немецкий текст или выписал не так это место — одним словом, сам не могу объяснить, каким образом это случилось). Прошу Вас извинить за этот непростительный промах. [Незаконченная фраза “Я сознался в своей винов-” зачеркнута.] Я признаю себя виновным, а это должно повлечь за собой уменьшение и смягчение наказания.

На этой неделе закрывается университет и мне, быть может, придется возвратиться в библиотеку Гартмана. Но если он Вам еще нужен, то я похлопочу, чтобы оставили еще на 1–2 недельки. Юм — моя собственность и с ним спешить Вам не следует¹⁷.

Если для Вас труда не составляет, то будьте любезны написать два слова о том, согласны ли Вы, чтобы я написал о “прагматизме”; или же Вам желательно что-нибудь другое? Я хочу еще написать маленькую статейку для *Neue Zeit*¹⁸ с специальной целью: “выругать” за махистско-кантиантское направление “*das wissenschaftliche Organ der deutschen Sozialdemokratie*”¹⁹. Но “ассистенты” Каутского (один Гильфердинг²⁰ чего стоит!) ревниво оберегают “ортодоксально-махистский” орган от материалистического “ревизионизма” и т.п. марксистской скверны. Как Вы относитесь к этому? Ведь до чего уже дошло, — сам Энгельс — этот “грубый” материалист — оказывается ничем [не чем] иным, как “махистом”, т.е. из породы *tender-minded*²¹, как сказал бы прагматист Джемс. И заметьте,

¹⁵ “Познание и заблуждение” (нем.).

¹⁶ “Но одно следует иметь в виду. Нет ничего трудного *всякое физическое* переживание построить из ощущений, т.е. из *элементов психических*. Но совершенно невозможно понять, как из элементов, которыми оперирует современная физика, т.е. из масс и движений (в их определенности, пригодной для одной только этой специальной науки), построить какое-либо *психическое* переживание” (нем.).

¹⁷ Имеются в виду сочинения Э. Гартмана и Д. Юма.

¹⁸ “Die Neue Zeit” (“Нойе цайт” — теоретический журнал СДПГ (социал-демократическая партия Германии); главный редактор — К. Каутский (1854–1938).

¹⁹ “Научный орган немецкой социал-демократии” (нем.).

²⁰ Гильфердинг Р. (1877–1941), редактор центрального органа СДПГ “Vorwärts” (“Форвертс”).

²¹ Нежно мыслящих (нем.).

как это ловко делается. Стоит лишь заменить слово “материализм”, кот[орое] у Маркса и Энгельса все же “встречается”, словом “опыт” (Erfahrung), слово “Dialektik” словом “Entwicklung”, и мы получаем точку зрения “der erfahrungsmässigen Entwicklungsgeschichte” или “entwicklungsgeschichtliche Erfahrung”²².

Простите, что столько беспокою Вас. Я действительно не знаю, чем мне отблагодарить Вас за все, что Вы для меня делаете.

Позвольте мне пожелать Вам здоровья и всего, всего наилучшего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе.

Берн, 5 февраля [1907]

Дорогой товарищ,
глубокоуважаемый Георгий
Валентинович!

Выслал Вам сегодня оба тома истории метафизики Гартмана и “Трактат” Юма.

Ваш отзыв о моей работе придает мне бодрость. Я буду стремиться и впредь оставаться верным учеником своего учителя, который будет служить мне образцом и идеалом. *Стремиться* к идеалу всякому позволено...

Всякая вещь хороша до тех пор, пока она поддается исправлению. “Кафтан” теряет свою ценность тогда, когда “количеством” заплат отрицается “качество” его, т.е. когда за негодностью приходится его бросать. Из Вашего письма я заключил, что мой “кафтан” еще годится, несмотря на все его прорехи. И это обстоятельство меня, разумеется, страшно радует. Бесконечно Вам благодарен за Ваши указания и за Ваши труды.

Насколько первая часть работы растянута, настолько, мне кажется, вторая сжата. Недостает мне “чувства меры”. Это так. Буду надеяться, что это можно будет устранить. Объясняется это, между прочим, и сложностью задачи. Было бы, например, в высшей степени интересно проследить, как из “невинного” учения о зависимости объекта от субъекта развивается немецкий идеализм и получается панлогизм Гегеля, абсолютный дух и проч. Вопрос этот столь обширный, что может послужить предметом специального исследования. И вот, чтобы работа не приняла слишком большие размеры, мне приходилось ограничиваться намеками. То же самое относится и к другим вопросам (возьмем хотя бы лжедиалектику или псевдодиалектику психологистов).

Относительно статьи для предполагаемого сборника я Вам писал в предыдущем письме. Если Вам тема не нравится, то я постараюсь написать статью на какую-нибудь другую тему.

Затем Вы спрашиваете, есть ли у меня уже издатель. Разумеется, *нет*. Во-первых, я без Вашего одобрения не решался даже приступить к переговорам с издателем. Во-вторых, я,

²² “Опосредованное опытом историческое развитие” или “исторически развивающийся опыт” (нем.).

УБ/ПЛЕХАНОВА» Верн, 5 февраля
 1897
 Дорогой товарищ,
 глубокоуважаемый Георгий
 Валентинович!

Высшая Ваша сегодня оба
 тема истории метафизики
 Картина и "Трактат"
 Юма.

Ваш отзыв о моей ра-
 боте придает мне бодрость.
 Я буду стремиться и впредь
 оставаться верным членом
 своей группы, кото-
 рый будет служить мне об-
 разцом и идеалом. Стре-
 миться к идеалу всякому
 полезно...

Письма
 А.М. Деборина
 Г.В. Плеханову

Фрагмент письма
 А.М. Деборина
 Г.В. Плеханову от
 5 февраля 1907 года

признаться, не знаю, как приступить к этим переговорам. Мне совершенно чужды эти дела. Думаете ли Вы, что теперь удастся найти издателя?

Позвольте мне пожелать Вам всего хорошего и, главным образом, здоровья. Крепко жму Вашу руку.

Весь Ваш

А. Иоффе

[1908, начало]

Дорогой и глубокоуважаемый
 Георгий Валентинович!

Я тоже думаю, что лучше напечатать главу о диалектическом материализме и главу о Махе. Быть может, главу о диалектическом материализме можно было бы соединить с главой о психологическом методе. Тогда было бы яснее. Я бы попросил Вас потрудиться прислать мне, ибо необходимо внести некоторые поправки и переписать. А что бы Вы посоветовали относительно остальной части книги? Имеет ли смысл обратиться в Образование²³. Мне говорили, будто Образование пе-

²³ "Образование" — журнал, издавался в Петербурге в 1892–1909 годах.

АРХИВ

реходит в руки П. Берлина²⁴. Может быть, и там удалось бы напечатать одну — две главы. Статью о книге Юшкевича²⁵ я бы давно [нрзб, слово зачеркнуто] Вам прислал, но не мог работать все время вследствие нездоровья. Впрочем, оно у меня всего продолжится несколько дней, и тогда я Вам пришлю. [Нрзб, фраза зачеркнута.] Я хотел также написать рецензию на книгу Валентинова, откровенно заявляющего, что необходима “ревизия” марксизма²⁶. Откровенность — вещь хорошая! Ревизия связывается с “нарождающейся” стройной философией махизма. Вот что он пишет: «Марксизм в ней (в стройной философии — *A.J.*) нуждается. Действительно, присматриваясь к его современному состоянию, мы видим, что у него нет той стройности и определенности, которая так выделяла его во времена детства. Анализ новых фактов, более глубокое проникновение в связь и течение общественных явлений заставляет сторонников марксизма вносить в это учение целый ряд иной раз весьма существенных “поправок”. “Поправка” во взгляде на ход развития аграрных отношений; “поправка” оценки сельскохозяйств[енных] коопераций; “поправки” в отношении к парламентаризму; “поправка” расчета на скорый ход капиталистического развития и т.д. Одним словом — “ревизия”, да будет позволено так выразиться, в полном ходу». И в другом месте: «Следовательно, если по истечении кризиса “марксизм” (марксизм в кавычках! — *A.J.*), теоретически рассуждая, примет форму и вид, несколько отличный от марксизма Маркса и Энгельса, то с этой стороны нет ровно ничего удивительного». “Марксизм”, отрицающий марксизм! Великолепная штука!

К сожалению, мне все же придется, вероятно, поехать через неделю или через дней десять в Россию искать “счастья”, вернее заработка, так как жена больна, ребенок болен, а средств нет. Проклятая жизнь, черт возьми. Теперь Вы можете себе представить, как можно при таких условиях работать. Я Вам бесконечно благодарен за то, что пристроили эти две главы. Хоть кое-какие деньги будут. Итак, потрудитесь прислать рукопись и написать мне, как поступить: послать ли прямо в редакцию или послать обратно Вам? Еще раз благодарю.

Неизменно Вам преданный и глубоко Вас уважающий

А. Иоффе

Мой адрес: Bern. Freiestrasse
11^{III}. Frau S. Jaschunsky,
für A. Joffe

23 /IV 1908.

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Очень Вам благодарен за Ваши старания пристроить мою работу. Жаль только, что это доставляет Вам много хлопот. Если бы редакция Совр[еменного] Мира²⁷ согласилась напеча-

²⁴ Берлин П.А. (1877–1962), журналист, публицист.

²⁵ Юшкевич П.С. (1873–1945), философ, переводчик.

²⁶ Валентинов (наст. фам. Вольский) Н.В. (1879–1964), меньшевик, сторонник махизма.

²⁷ “Современный мир” — журнал, издавался в Петербурге в 1906–1918 годах.

тать ее, я был бы очень рад. Снабженная Вашим предисловием и Вами проредактированная, работа приобретет известную ценность и для редакции Совр[еменного] Мира. Мне кажется, что Вы имеете на редакцию Совр[еменного] Мира большое влияние, — если не прямое, то косвенное. В редакционной заметке (в № 3), посвященной памяти Маркса, журнал резко отмежевывается от эмпириокритицизма, эмпириомонизма и эмпириосимволизма, квалифицируя эти течения как разновидности философского идеализма. Правда, редакция очень неясно высказывается в смысле *положительном*. Но аргументируя “от противного”, приходится думать, что журнал станет на твердую почву диалектического материализма. Это было бы вообще хорошо, помимо всего прочего.

Вы правы, что глава о диалектическом материализме мало развита. Я очень хорошо это сознаю, но в оправдание свое могу сказать, что у меня было благое намерение разработать этот отдел более обстоятельно в особой работе. Я думал изложить различные понимания субстанциональности, вещиности (Dingheit u[nd] Dingbegriff), причинности и пр. в новой философии и на почве критики этих учений развить основные положения диалектического материализма и дать *критерии* субстанции, вещи и т.д. Намеревался также остановиться специально на диалектике Дицгена²⁸, которую я считаю “лжедиалектикой”. Затем необходимо было бы показать, как совершилось “слияние” диалектики с материализмом (Гегель — Фейербах — Маркс). Диалектика без “материализма”, без материальной субстанции превращается в пустую софистику. Материализм без диалектики вырождается в метафизику и т.д. Теперь я, к величайшему моему сожалению, не могу последовать Вашему совету — заняться разработкой этой главы, так как у меня исчерпаны все ресурсы, и я должен поскорее удрать в Россию искать какого-нибудь заработка. Правда, я остаюсь в Берне еще 1½ — 2 месяца, но за *эти* два месяца я уже мало [слова “что сделать” зачеркнуты] успею. Рукопись я думаю оставить у Вас, если Вы ничего не имеете против этого. Быть может, Вам все же удастся пристроить ее как-нибудь и где-нибудь.

Что касается Ваших замечаний, то мне только остается поблагодарить Вас. Чем больше Вы исправите, тем лучше будет. Иногда я хорошо думаю, но плохо выражаюсь. Это относится к вопросу о первичных и вторичных качествах.

Меня очень огорчило, что Вы остались недовольны моей статьей, написанной для Гол[оса] Соц[иал-демократа]²⁹. С этой статьей вышло, очевидно, недоразумение. Я вовсе не имел в виду [нрзб, слово зачеркнуто] критиковать в этой статье махизм. Я хотел только выдвинуть некоторые стороны махизма, чтобы показать связь его с буржуазным индивидуализмом. То же самое я сделал и по отношению к Юму в статье “Die Philosophie der Individualismus und die bürgerliche Gesellschaft” (в Neue Zeit³⁰). Я имел в виду охарактеризовать *социально-пси-*

²⁸ Дицген И. (1828–1888), немецкий рабочий, философ.

²⁹ См.: Деборин А.М. Философия Маха и русская революция // Голос социал-демократа. 1908. № 4–5. С. 3–12.

³⁰ См.: Deborin A. Die Philosophie der Individualismus und die bürgerliche Gesellschaft // Die Neue Zeit (Stuttgart). 1908. Bd. 2, № 33. 15 Mai. S. 220–233.

Посещение
А.М. Горьким
Института Маркса
и Энгельса.
Писателя сопровождает
А.М. Деборин.
Москва, 2 июня
1928 года

хологические корни, но не логическую обоснованность или необоснованность юмизма. Я статью немного переделал и послал Дану³¹; просил его прислать Вам.

Я был бы очень рад, если бы до отъезда имел еще от Вас несколько строк. Если бы Вы были где-нибудь поближе, то приехал бы к Вам попрощаться. Может, к тому времени будете в Женеве?

Желаю Вам здоровья; крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе

[Берн,] 27 мая 1908

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

На будущей неделе (т.е. 5 или 6 июня) я уезжаю в Россию. Единственная причина моего отъезда — отсутствие средств к существованию. По той же самой причине жена моя год тому назад вынуждена была оставить университет. Живет она в России вместе с ребенком в большой нужде. К сожалению, я никакого ремесла не знаю и не могу рассчитывать на то, что мне удастся зарабатывать на жизнь. “Связей” у меня также нет, так что я прямо не знаю, куда мне сунуться. Да если бы и знал, куда сунуться, то не знаю, чем бы я мог зарабатывать, раз я не знаю ремесла. Таким образом, я уезжаю с самыми мрачными мыслями.

При таких условиях понятно, что

мне бы очень хотелось, чтобы моя работа была напечатана в Совр[еменном] Мире, так как это дало бы мне возможность облегчить немного материальную нужду семьи. Если *слова* “диалектич[еский] материализм” отпугивают, то можно работу иначе озаглавить, — хотя бы так: “Очерки по истории новой философии”. Работа для Совр[еменного] Мира очень, кажется, подходящая. Во-первых, редакция сама высказалась против всех видов идеализма; во-вторых, она не такая уж большая. Печатаются же “Очерки ets...” Бернацкого³². В третьих, Совр[еменный] Мир — журнал для самообразования и проч. и, стало быть,

для такого журнала “Очерки по истории философии” — вещь подходящая, даже нужная. Затем, работа пройдет через Ваши руки, что составляет гарантию ее доброкачественности.

Я бы Вас очень просил, Георгий Валентинович, если [нрзб, слово зачеркнуто] есть малейшая возможность, — а мне кажется, что это лежит вполне в пределах возможного, — пристроить работу в Совр[еменном] Мире, который имеет еще то преимущество, что у него есть обширный круг читателей. С издателями все равно трудно что-нибудь устроить. Разумеется, если и Современный Мир откажется принять ее, то я согласен отдать первому встречному издателю без всякого вознаграждения, так как мне вообще важно, чтобы работа была напечатана. После того, как я ознакомился с книгой Юшкевича “Материализм и критич[еский] реализм” и с сборником “Очерки по философии марксизма”³³, я еще больше убедился в том, что моя работа может принести известную пользу. В таком случае жалко, если она залежится, ведь застарелую болезнь лечить трудно. — Почему я теперь не могу взяться за переработку главы о диал[ектическом] материализме, я уже писал Вам в предыдущем письме, которое, кстати, до Вас, видно, не дошло. — Необходимо обратить внимание на религию нашего “самобытного” пророка Луначарского, пытающегося “соединить” научный социализм с *religion positive, religion de l’humanite*³⁴ Конта. Что ни день, то новый “синтез”. Скучно им, бедненьким, с одним *разумом*, с *научным* социализмом. Им необходима *вера*. Не знаменует ли это начало (или вернее продолжение) поворота в сторону Булгакова, Бердяева, Мережковского и проч. наших пророков и изобретателей религий? При том хаосе и умственном разброде, который теперь господствует среди русской интеллигенции, проповеди Луначарского могут иметь успех, ибо нет глупости, которая не нашла бы восторженных поклонников.

Простите, Георгий Валентинович, и за то, что я Вам написал о личных делах, и за то, что я Вас столько беспокою. Уезжая в Россию, мне хотелось бы знать, к какому решению Вы придете относительно [слова “моей работы” зачеркнуты] помещения работы в Совр[еменном] Мире. Я со своей стороны прошу Вас очень пристроить ее в журнале, раз нет издателя. После можно будет войти в соглашение с Совр[еменным] Миром [слова “по вопросу” зачеркнуты] относительно отдельного издания. Теперь же лучше печатать в журнале. Это принесло бы мне некоторое материальное облегчение.

Не потрудитесь ли Вы написать мне еще до моего отъезда, к какому решению Вы пришли и что думаете об этом вообще.

Еще раз извиняюсь за беспокойство. Верьте мне, что мне очень совестно, но... что делать?

Желаю Вам здоровья. Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас
и весь Вам преданный

А. Иоффе

Письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову

³¹ Дан (наст. фам. Гурвич) Ф.И. (1871–1947), меньшевик, редактор газеты “Голос социал-демократа”. Газета издавалась в Женеве и Париже в 1908–1911 годах.

³² Бернацкий М.В. (1876–1945), экономист, политолог, министр финансов Временного правительства.

³³ Вышедший в 1908 году сборник статей А.А. Богданова, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича и др. — манифест русского махизма.

³⁴ Позитивная религия, религия человечества (*франц.*).

АРХИВ

Адрес: Ковно, М. Вассердаму, для Абрама.

[1908, июль — август]

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Как видите, я благополучно прибыл в Россию и нахожусь в настоящее время в провинции. Впечатлений много. С внешней стороны в России как будто ровно ничего не изменилось. Напротив того, во многих отношениях стало еще гораздо хуже. На каждом шагу вы встречаете вооруженных с ног до головы полицейских — охранителей, снабженных всеми родами оружия для истребления и искоренения. Но с другой стороны при всей забитости обывателя нельзя не заметить, что пережитые события все же наложили неизгладимую печать на его *психике*. Психология обывателя в высшей степени интересна и “поучительна”. Все то, что в моменты подъема вышло наружу, теперь снова вошло внутрь и потому внешнее спокойствие ничего еще не говорит о действительном отношении широких слоев населения к установившемуся режиму. Хотя надо сказать — этого скрывать, разумеется, не следует, — что большая доля вины в теперешней *общественной* реакции падает на революционные партии. Правительственная реакция базируется на общественной реакции. На месте можно убедиться, как губительно влияла тактика крайних партий на все освободительное движение. Их поведение действительно способно было оттолкнуть широкие, беспартийные слои населения от революции. “Слава Богу, что освободились от тирании революционеров”, — вот что приходится часто слышать из уст таких людей, которые готовы были стать на сторону “революции” и которые фактически ей сочувствовали и поддерживали. Но своей безумной, чисто *варварской* тактикой революционные партии бросили обывателя в объятия реакции. Научатся ли чему-нибудь наши большевики?

Я все еще не пришел в себя от всех нахлынувших на меня впечатлений и поэтому не мог взяться за работу. Рецензию на книгу Валентинова напишу на днях, но что с нею сделать? Послать ее Вам или прямо в Совр[еменный] Мир? Послали ли Вы статью о Юшкевиче? Я просил редакцию написать мне, получили ли они мои статьи и когда они думают их напечатать, но никакого ответа почему-то не получаю. Думаю написать статью о *Толстом* по случаю восьмидесятилетия. Как Ваше здоровье? Привет семье Вашей. Всего Вам наилучшего.

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Иоффе

[Ковно, сентябрь 1908]

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Редакция Современного Мира, как Вы видите из прилагаемого открытого письма, отказалась напечатать мои статьи,

Письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову

А.М. Горький
в библиотеке
Института Маркса
и Энгельса
просматривает
редкие книги.
Слева —
А.М. Деборин,
справа —
М.А. Пешков.
Москва, 2 июня
1928 года

принятые Иорданским³⁵. Редакция отговаривается “обилием материала” и “размером рукописи”. В сущности это канцелярская отписка, так как статьи вовсе не такие уж большие. Статья о диалектическом материализме составит не более двух — двух с половиной печатных листов. Вторая статья немного больше, но и эта может быть напечатана в два приема. Затем, что означает обещание Иорданского? Может быть, его еще нет в Петербурге? Я думаю, что если бы Вы им написали, то статьи были бы напечатаны. Что Вы думаете по этому поводу?

Почему Вы мне не отвечаете совершенно на мои письма? О России писать можно было бы очень много, но Вы, вероятно, лучше меня осведомлены. Я боюсь, что надвигается волна сплошного ренегатства. Одним словом, настоящее России в высшей степени печально.

Пожелаю Вам всего наилучшего. Крепко жму Вашу руку.
Ваш А. Иоффе

[Ковно,] 20/X [19]08

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Ваше письмо доставило мне и великую радость и большое огорчение. Счастлив был я узнать, что Вы себя хорошо чувствуете, что здоровье Ваше недурно, а огорчило меня известие, что Вы порвали с Современным Миром, — да к тому же еще из-за меня. Сознание того, что я послужил причиной этого разрыва, весьма горькое для меня. Кроме того, тут имеется еще и другая сторона. Возьмешь, бывало, свежую книжку Совр[еменного] Мира, пробежишь глазами оглавление и первое, на что с жадностью набросишься — это Ваша статья, заметка, рецензия.

³⁵ Иорданский Н.И. (1876–1928), публицист, редактор журнала “Современный мир”.

АРХИВ

³⁶ См.: Деборин А.М. [Рец. на кн.:] Вормс Р. Мораль Спинозы: пер. с франц. СПб., 1905 // Совр. мир. 1908. № 12. С. 144–145.

³⁷ См.: Деборин А.М. [Рец. на кн.:] Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб., 1908. 66 с. // Совр. мир. 1909. № 2. С. 168–170.

³⁸ См.: Деборин А.М. Диалектический материализм и эмпириосимволизм. [Рец. на кн.:] Юшкевич П.С. Материализм и критический реализм. СПб., 1908 // Совр. мир. 1908. № 10. С. 123–134.

³⁹ 25 октября 1908 года Г.В. Плеханов писал Ю.О. Мартову: «Деборин написал прекрасную статью в последнюю книжку “Современного мира”, он будет очень полезен для нашего сборника. В письме Деборину просите его прислать статью о диалектическом материализме» (см.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 1. С. 230). Имеется в виду сборник “На рубеже” (СПб., 1909), где была напечатана известная статья А.М. Деборина “Диалектический материализм”.

Но помимо этого “субъективного” отношения приходится принять во внимание и объективную сторону дела: у Вас была “трибуна”, была возможность влиять на общественное мнение в духе дорогого нам мировоззрения, а у читателя была возможность учиться у Вас, читать Вас. Мне жалко читателя, на которого Вы оказывали определенное воздействие и который теперь его лишается, и мне жалко, что Ваши идеи не получают такого распространения, какое возможно при посредстве журнала. Конечно, Совр[еменный] Мир никогда не был марксистским органом в полном смысле этого слова. Но в известном смысле можно сказать, что достаточно одного Вашего участия в журнале, чтобы он стал марксистским. Если бы можно [слово “было” зачеркнуто] поставить свой журнал, то о Вашем отказе сотрудничать в Совр[еменном] Мире можно было бы и не жалеть. Но раз своего журнала нет, писать же в другом журнале тоже нет возможности, — то приходится жалеть. Все русские журналы — “даже” “Образование” — берут слишком высокие ноты, чтобы не раздражать ушей. Быть может, Вам удастся превратить сборники в периодический орган. Ведь это так необходимо!

Я не знал, [нрзб, слово зачеркнуто] что Вы получили от “товарищей” из Совр[менного] Мира такое дерзкое письмо и написал для них рецензию на книгу Вормса, о чем я теперь глубоко сожалею³⁶. Я сам догадывался, как Вы видите это из моего предыдущего письма, что само это предложение в высшей степени странное, но не счел себя вправе отказаться от этой работы только потому, что редакция не приняла моих статей. Это было бы слишком мелко и недостойно. Но после того, как они написали Вам такое письмо, всякий из нас обязан “бойкотировать” Совр[еменный] Мир, по крайней мере, до тех пор, пока Вы не [слово “будете” зачеркнуто] найдете возможным возобновить свое сотрудничество в этом журнале. — Ваше второе письмо Богданову я непременно прочту; мне уже доставят его. Я послал Вам книжку Богданова “Приключения одной философской школы”³⁷. Может быть, она пригодится Вам для Ваших писем, хотя нового Вы в его брошюре ровно ничего не найдете. Это краткий пересказ его известных уже Вам “мыслей” и “обвинений”. Но на всякий случай посылаю Вам. Жаль только, что мне приходится посылать Вам окольным путем, но надеюсь, что дойдет до Вас. Меня очень обрадовало, что Вам понравилась статья о Юшкевиче³⁸. От Мартова я уже получил приглашение и ответил ему³⁹.

От Иорданского я получил письмо с “объяснением” происшедшего “недоразумения”. Объяснение в высшей степени неудачное.

Я все еще живу, как видите, “губернскими” впечатлениями. Задумал несколько работ, но при настоящих условиях трудно их выполнить. Главным образом мешает отсутствие литературы. Меня, например, привлекает такая тема, как *внутренняя связь скептицизма с мистицизмом*, которую, между прочим,

можно было бы проследить в умственной жизни России за последние несколько лет. Мистицизм и религия Горького и Луначарского — не являются ли они порождением скептицизма и недоверия к *научному* познанию, к *разуму*. Это же недоверие к науке мы видим и у Толстого, своеобразное понимание культуры, науки, религии, искусства которого находится в связи с его *идеалистической теорией познания*. Говорит же он вполне в духе наших махистов, что единственной реальностью является *сознание*, личность, а между тем как *материя* нам вовсе *неизвестна и недоступна*. Правда, это в высшей степени благодарная тема? Даже его идея “*опрощения*”, т.е. своеобразное *народничество*, объясняется тем, что *коллективный субъект* является *критерием* истины и т.д. Во всей юбилейной литературе я не встретил вовсе и намека на эту сторону учения Толстого, т.е. на связь *толстовства* с “*человеческой*”, если позволено будет так выразиться, теорией познания. *Человек* и его *переживания* составляют и для Толстого (как и для “махизма”) исходный пункт его философии. — Написал уже много, а потому кончаю: боюсь наскучить многословием. Буду счастлив получить от Вас письмо с доброй вестью о Вашем здоровье. Всего [слово “Вам” зачеркнуто] наилучшего желает Вам

глубоко Вам преданный

А. Иоффе

Сердечный привет Розалии Марковне и всей семье Вашей.

Так как у меня черновика моей работы нет, то прошу Вас сохранить те главы рукописи, которые у Вас остались. Еще раз крепко жму Вашу руку.

Idem⁴⁰

А.М. Деборин
и Г.М. Кржижановский. Ок. 1940-х годов

⁴⁰ Он же (англ.).

АРХИВ

СПб.17 февраля [19]09 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Я Вам написал несколько писем, но никакого ответа от Вас, к величайшему моему сожалению, не получил. Надо полагать, что письма до Вас не доходят. Поэтому пишу Вам “окружным” путем. Теперь я нахожусь в Петербурге, где думаю окончательно поселиться, конечно, при условии, если у меня будет заработок. Пока мои дела очень неважные. Но это мы оставим. Я очень обрадовался, когда узнал, что Вы снова будете писать в Совр[еменном] Мире. Но зато был очень опечален, узнав, что Вы выступили из состава редакции Г[олоса] С[оциал-демократа] и что Вы должны были разойтись с Потресовым⁴¹.

Я веду переговоры с издателем относительно издания моей рукописи. Но часть рукописи находится у Вас, а последние две главы у меня. Так как мне, как Вам известно, хочется издать работу с Вашим предисловием, то будьте добры написать мне, как теперь устроить? Ведь издатель — человек мгновения, момента, ein Augenblicksmensch. Если пройдет некоторое время, он вообще, быть может, и не захочет даже говорить больше со мной. Есть у меня, между прочим, приятель (хотя и не товарищ), который согласен даже мне одолжить деньги на издание работы, но я боюсь “провала”. Взять у человека деньги и затем не иметь возможности вернуть их — дело, конечно, очень нехорошее. Если найдете возможным написать предисловие без тех двух глав, которые лежат у меня (одна, впрочем, с некоторыми изменениями будет напечатана в сборнике “На рубеже”⁴²; и в другие главы придется внести некоторые изменения, кое-что дополнить, кое-что изменить), то будьте добры передать рукопись по миновании надобности брату, который за этим зайдет. Между прочим, есть основание думать, что “Библиотека материалистов” теперь имела бы известный успех, конечно не среди “интеллигенции”, а в среде рабочей, интеллигентной части “народа”, “масс”. Как Вы думаете на этот счет?⁴³

Буду несказанно рад, если Вы после столь долгого молчания напишете мне письмо. Прошу Вас написать о самом себе, т.е. о *здоровье Вашем* и проч. — Что за предприятие “Возрождение”⁴⁴?

Позвольте пожелать Вам всего наилучшего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Деб.

Адрес мой тот же.

(Окончание следует)

⁴¹ Потресов А.Н. (1869–1934), один из лидеров меньшевиков.

⁴² См.: Деборин А.М. Диалектический материализм // На рубеже (К характеристике современных исканий): сб. СПб., 1909. С. 38–75.

⁴³ Замысел “Библиотеки материализма” А.М. Дебориным был реализован уже в советское время. В составе серии были впервые изданы на русском языке многие сочинения Т. Гоббса, Дж. Толанда, Ж.О. де Ламетри, Д. Дидро, К.А. Гельвеция, П.А. Гольбаха, Л.А. Фейербаха.

⁴⁴ “Возрождение” — журнал, издавался в Москве в 1908–1910 годах.

АРХИВ

ПИСЬМА А.М. ДЕБОРИНА Г.В. ПЛЕХАНОВУ (1906–1917)

СПб, 24 Августа 1909 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Все-таки не выдержал... Долго, о долго я ждал Вашего письма, но не получив его, решил написать Вам вторично. Я знаю, что Вы очень заняты, но, во-первых, я живу при таких условиях, что Ваше письмо мне нужно просто как подкрепляющий напиток...; во-вторых, я же Вам писал о деле, которое для меня имело бы сейчас большое значение. Но, по-моему, оно уже рухнуло. Я думал, что к осени можно было бы все-таки издать мою книжку, тем более это было бы возможно, что я решил отказаться от всякого гонорара — лишь бы ее издать. Или если бы можно было что-нибудь получить, то я согласен во всяком случае на самые скверные условия. Но так оставить я не могу. Если бы Вы нашли, что издать не следует, тогда я бы согласился. Но я уже писал об этом в предыдущем письме, месяца два — три тому назад. Я думаю, что такой издатель, который купил за бесценок, а то вовсе даром получил бы рукопись, все еще нашелся бы. К сожалению, я сам ничего в этом направлении сейчас предпринять не могу по той простой причине, что вечно занят поисками заработка. Вот уже почти год, как живу в Петербурге, и за все время — поверите ли — не достал никакой литературной работы. Я о журнальной работе уже не говорю, так как я для себя не нахожу подходящего журнала, а если бы такой нашел, то он меня не хочет. Но и переводной работы за все время не достал никакой, а между тем люди переводят, зарабатывают и живут. Чтобы не умереть с голоду — в прямом смысле слова, ибо кому может быть дело до меня и моей семьи — я поступил на службу в контору одной еврейской газеты просто конторщиком, переписчиком. Занят целый день, да и отсюда придется скоро по некоторым причинам уйти... Я Вам об этом не писал, да и не хотел теперь писать, но пришлось. Быть может, у Вас имеются в Петербурге такие знакомые, при посредстве которых можно было бы немного иначе и лучше устроиться, поближе, скажем, к литературе.

Окончание. Начало
см.: Человек. 2010.
№ 4.

132

Теперь, надеюсь, Вы поймете, почему Ваши письма независимо от всего прочего являются для меня столь дорогими. Они меня освежают, вливают в жилы мои бодрость и проникают во всю мою душу особым чувством надежды, радости и подъема душевного. Соприкосновение с Вами действует на меня оздоровляюще... Но хватит излишних и признаний, правда?

Но что писать Вам более отрадного. Я, по крайней мере, весь проникнут пессимизмом по отношению к *настоящему*: все вижу в черном цвете. Повсюду мне мерещится (“мерещится” ли только?) пошлость, продажность и лицемерие. Литература захватана грязными руками и гешефтмахерами. Это относится, к сожалению, не только к специфической “литературе”, но и к более серьезной, к мнящей себя “идейной”. Но это слишком большой вопрос, чтобы об этом можно было спокойно говорить... У нас началась, с позволения сказать, предвыборная кампания. Пока, разумеется, на страницах газет и в кабинетах “лидеров”. Социал-демократы выступают в газете “Новый день”. Но, боже мой, в какой “компании” ведется “кампания”...

Надеюсь, что Вы не долго заставите меня ждать Вашего ответа. Будьте здоровы. Крепко, крепко жму Ваши руки. Горячий привет Вашей семье.

Преданный Вам А. Иоффе

Мой адрес: С. Петербург, Фонтанка, 139, кв. 18. Яшунскому для Абрама.

СПб, 30 Сентября [19] 09 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Прежде всего позволю себе поблагодарить Вас за ту заботливость, которую Вы проявляете по отношению ко мне. Немедленно по получении Вашего письма я отправился к Дукату, затем познакомился с Кланг, а на днях встретился и с Каганом. Быть может, со временем какая-нибудь работишка и найдется. Но сейчас ничего нет. Хуже всего то, что положительно некуда девать свои силы, Я задумал большую работу о наших направлениях, умственных течениях и т.д.; поставил себе целью выяснить и осветить “*пуши жизни*”, рассматривать и изучать *формы* жиз-

А.М. Деборин
1910-е годы
(фотография из
семейного архива
А.М. Деборина)

ни, *идеалы* ее, поскольку они находятся в связи с теоретической философией, с метафизикой и религией. Цели и идеалы жизни до сих пор находили свое обоснование в метафизике и религии и вели в силу этого к *отрицанию самой жизни*. Новые социальные формы порождают новую теоретическую философию, отрицают метафизику, религию и всякую мистику и влекут за собою новые идеалы и цели жизни, имеющие свои теоретические корни в новом *миро-воззрении*, признающем лишь земной мир в качестве реальности и отрицающем всякие “*верхи*” (т.е. *сверхчувственный*, *сверх-эмпирический* и проч. метафизические миры). Это, разумеется, не ново. Но мне кажется, что сейчас, когда *теоретические* вопросы перенесены с плоскости *рационалистической* на почву *психологическую*, когда “личность” обратила свой взор “во внутрь” и ищет *смысла* своего существования, цели [слово “своей” зачеркнуто] жизни, мы должны пойти навстречу *психологической* потребности, направив ее вместе с тем в иное, “общественное” русло. Не знаю, достаточно ли ясно я выразился и поняли ли Вы меня в достаточной степени. Одно для меня ясно: это то, что необходимо прежде всего приступить к критике всех религиозных “течений”, с чего Вы и начали. Ваша статья о религиозных исканиях¹ была мною прочитана с величайшим интересом. Такие работы сейчас нужнее всего. Вы, по обыкновению, захватываете вопрос очень широко, и это придает Вашим работам неувядающее значение. Я не могу поставить себя рядом с Вами, конечно, но чувствую, что я мог бы хоть кое-что сделать в смысле уяснения тех “путей жизни”, которыми нам следует шествовать. Но, к сожалению, мне приходится отказываться от литературного труда уже потому одному, что негде печататься. Раз работа, написанная два с половиною года тому назад, еще по сей день не издана, то какой смысл имеет писать на такие темы, как современный русский гностицизм и своеобразный “христианско-модернистский” прагматизм, “марксистский” прагматизм в социалистической религии Луначарского и пр., которые имеют актуальный интерес и вместе с тем не могут быть “обнаружены” перед читателями? Но, слава Богу (какой религиозно-метафизический оборот речи в устах марксиста!), что будущее принадлежит нам...

Вышло ли у Вас что-нибудь со знакомым, на которого Вы надеялись, что он издаст мою книжку. Пишите, Георгий Валентинович. Не заставляйте меня долго ждать Ваших писем. Вы не можете себе представить, с каким волнением я их жду. Как бы мне хотелось увидеться с Вами! Какую я тоску временами чувствую по Вас, если бы Вы это знали. Ведь у меня с Вашим образом ассоциировано столь многое... Еще раз благодарю за хлопоты Ваши. Пожелаю Вам всего наилучшего и, главное, здоровья. Крепко жму обе руки Ваши.

Всецело Вам преданный

А. Иоффе

Горячий привет Вашей семье.

¹ Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Совр. мир. 1909. № 9, 10, 12.

[Варшава, 1910 г., начало]

Дорогой Георгий Валентинович!

Мое последнее письмо могло быть Вами неправильно понято, и Вы наверное усмотрели в нем известную некорректность или даже грубость по отношению к Вам. Но как бы Вы ни истолковали его, мои чувства и привязанность к Вам от этого не изменятся, и Вы навсегда останетесь дорогим моему сердцу учителем. Так как Вы не реагировали ничем на целый ряд моих писем, то я думаю, что Вы отзоветесь на *такое* письмо. Но Вы этого не сделали. Почему? Не знаю. Если бы вошли в мое положение, а Вы, как всякий крупный человек, способны проникнуться переживаниями и чувствами другого, то Вы бы *поняли* меня. Условия жизни поставили меня в ужасное положение. Не буду жаловаться на отношение разных товарищей — это и бесполезно, и унижительно. Единственный человек, которому я многим обязан и который много уже сделал для меня — это Вы. Находясь в таком положении, я ищу из него выхода. Это чисто личные переживания, быть может, неинтересные для постороннего. Но в том-то и дело, что *Вас* я не считаю посторонним человеком. И то, что я Вам напишу, другому писать не буду.

Сейчас я Вас ни о чем не прошу, как только об одном: напишите, как Вы себя чувствуете и что Вы предпринимаете на будущее время. Свою рукопись я все равно считаю уже устарелой. Печатать ее теперь не имеет, вероятно, уже смысла. Ведь книга Ленина²; по крайней мере, [слово “судя” зачеркнуто] по “архитектонике”, копия моей. Зачем обременять литературный рынок лишним балластом? Думаю, что Вы с этим согласны.

Ужасно жаль только, что нет реальной возможности использовать литературные силы вообще. Нет ни одного органа, к которому было бы “приткнуться”. При известном “желании” Вы могли бы, кажется, сгруппировать вокруг себя некоторые силы и [слово “мысли” зачеркнуто] кое-что предпринять для издания если не ежемесячного журнала, то периодических сборников. К Вашему голосу прислушивались бы все [слово “слой” зачеркнуто] слои общества, и Вы сами, кажется, не учитываете того влияния, какое Вы могли бы оказать, несмотря на то, что Вы *теперь* как будто остались *одни*. В Совр[еменном] Мире Ваши статьи утопают в целой груди обычного журнального материала. И я всегда с сожалением и с болью в сердце смотрю на это. Конечно, раз нет других возможностей, то и эту приходится использовать. Но журнал не носит печати *Вашей* личности.

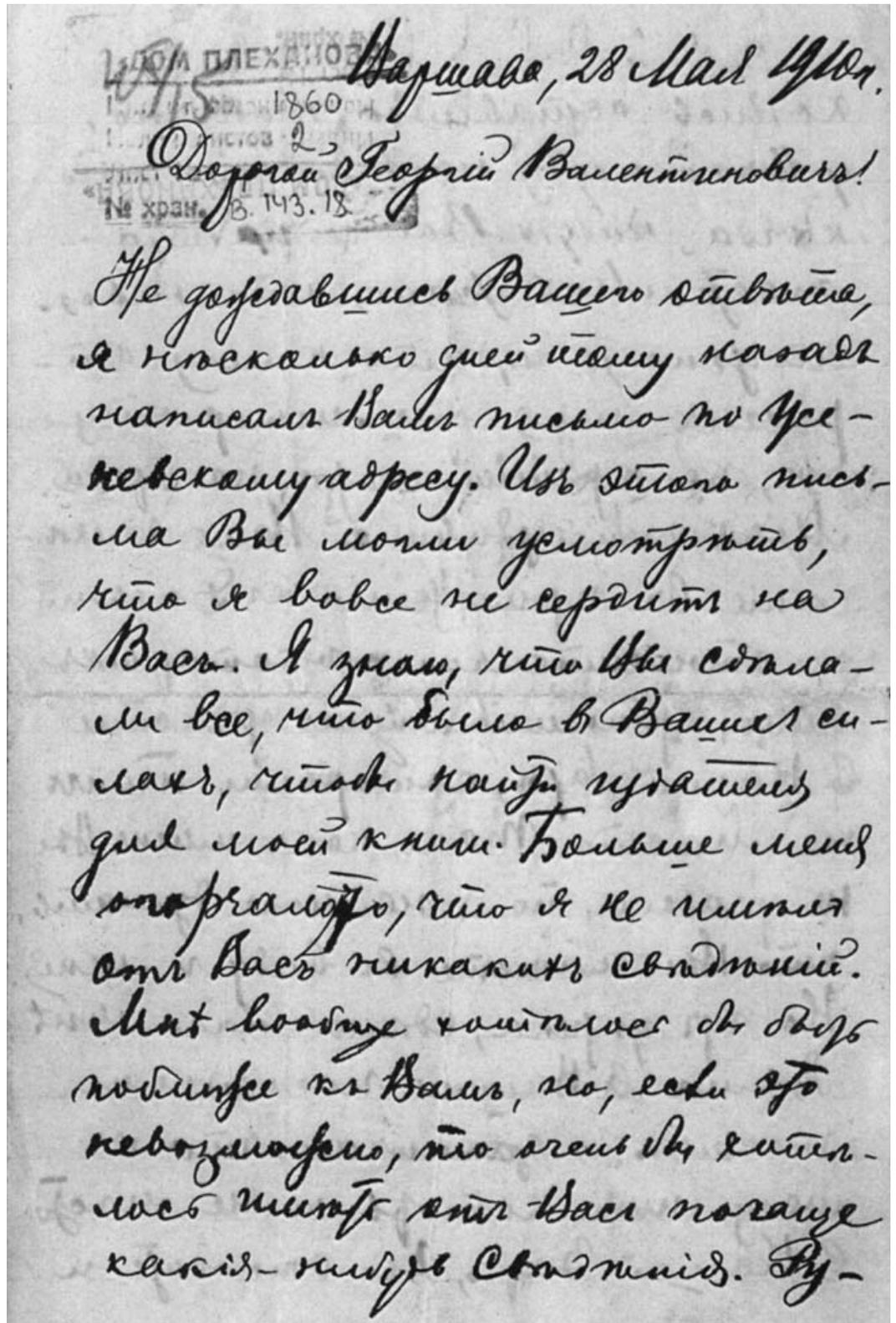
Неужели Вы не могли бы издать сборника, посвященного хотя бы Вехам и махистам. Ведь мы почти или вернее вовсе не реагировали, как организованное (хотя бы и “плохо организованное”) целое, между тем как это могли с тем или иным успехом сделать как кадеты, так и эсеры.

Письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову

² “Материализм и эмпириокритицизм”.

АРХИВ

Фрагмент письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову от
28 мая 1910 года

Так или иначе, но ведь необходимо же сделать что-нибудь для создания какого-нибудь коллектива литературного. Так как письмо написано впопыхах, то я, быть может, не настолько ясно выразился, чтобы Вы меня правильно поняли. Вина моя. Дозрею как-нибудь. Надеюсь, что Вы не замедлите ответить. В противном случае мне придется попросить брата моего съездить в Женеву специально повидать Вас. Я лишен этой возможности. А как бы мне хотелось с Вами повидаться!

Пожелаю Вам всего наилучшего, а главное здоровья.
Крепко жму Вашу
руку

Ваш А. Деборин

Привет Вашей семье.
Мой адрес Вам известен.

P.S. Помните ли Вы, что года четыре тому назад я в письме к Вам предсказал увлечение прагматизмом?

А.Д.

Варшава, 28 Мая 1910 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Не дождавшись Вашего ответа, я несколько дней тому назад написал Вам письмо по женевскому адресу. Из этого письма Вы могли усмотреть, что я вовсе не сердит на Вас. Я знаю, что Вы сделали все, что было в Ваших силах, чтобы найти издателя для моей книги. Больше меня огорчало то, что я не имел от Вас никаких сведений. Мне вообще хотелось бы быть поближе к Вам, но, если это невозможно, то очень хотелось бы иметь от Вас почаще какие-нибудь сведения. Рукопись оставляю, конечно, у Вас и буду надеяться, что когда-нибудь Вы ее напечатаете. Мне жаль, что невозможность издать книгу отрезала меня от литературы, по крайней мере, на время. Меня очень удивило Ваше замечание в приложении к Дневнику³ относительно некоторых лиц, принимающих участие в Нашей Заре⁴ которым там нет места. Так как имен Вы не указали, то я не мог думать, что Вы имеете в виду и меня. Но из упрека, сделанного мне Вами в Вашем последнем письме, я заключаю, что к числу лиц, которым не место в Нашей Заре, Вы относите и меня. Ввиду этого я заявляю Вам прямо, что я ни в каких журналах не принимаю участия. В Нашей Заре на обложке в числе сотрудников действительно значится мое имя. Но это объявление явилось для меня такой же, если не большей, неожиданностью, как и для Вас. Меня не предупреждали об этом, а просто поставили мое имя, не спрашивая меня [слово “обо” зачеркнуто] о моем согласии или несогласии. Сперва из объявления в Речи⁵, [нрзб, два слова зачеркнуты] а потом из объявления в Нашей Заре я узнал, что я состою сотрудником этого журнала. Ни в этом журнале, ни в другом (кроме Совр[еменно-го] Мира, который, кстати, настолько деликатен, что держит по целому году рукопись в портфеле, прежде чем ее напечатать, каковое обстоятельство меня окончательно оттолкнуло от этого журнала) *я не напечатал ни одной строки*. Вашего упрека, стало быть, не заслужил. Вот все, что могу Вам ответить по поводу этого Вашего замечания. Вы осудили меня за поступки, в совершении которых я несколько не повинен.

Есть охота написать о прагматизме в связи с махизмом и богоискательством, но беда именно в том, что негде печатать.

Письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову

³ “Дневник социал-демократа Г.В. Плеханова” — журнал, издавался в Женеве и Петербурге в 1905–1912 годах.

⁴ “Наша заря” — журнал, издавался в Петербурге в 1910–1914 годах.

⁵ “Речь” — газета, издавалась в Петербурге — Петрограде в 1906–1917 годах.

Надеюсь, что “недоразумение” устранено. Желаю Вам всего наилучшего. Глубоко Вас уважающий и преданный Вам

А. Иоффе

Варшава, 30 Октября 1910 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Из прилагаемого письма Вы увидите, что “Общественная Польза”⁶ напечатала бы мою книгу. Но так как у меня денег нет “ни-ни”, то мне, быть может, удастся добиться, чтобы они ее напечатали целиком в кредит. Посему мне было бы желательно выслушать и Ваше мнение. Я за заработком не гонюсь; не потому, конечно, чтобы он мне не нужен был, а потому, что мне хочется, чтобы вещь эта была напечатана. Быть может, и Вы от своего имени напишете несколько слов “г-ну директору”. Если Вы согласитесь передать “Общественной Пользе” рукопись на таких условиях, то я попрошу Вас потрудиться привести в порядок рукопись и написать предисловие. Хочется мне уже покончить с этой работой, чтобы можно было взяться за другую. Что мы будем держать ее в архиве. У меня имеются последние главы. Не переслать ли Вам? Так как я должен же кое-что ответить Обществ[енной] Пользе, то прошу Вас не задерживать ответа.

Буду рад узнать более подробно о Вашем здоровье. Я уже так долго не имел от Вас писем. Хотелось бы мне очень пови-даться с Вами, но, очевидно, не скоро исполнится [нрзб, слово зачеркнуто] мое желание.

Мне передавали, что скоро начинает выходить в России газета, в которой Вы будете [нрзб, слово зачеркнуто] принимать близкое участие. Правда ли это?

Благодарю Вас за те теплые строки, которые Вы в своем письме о философии посвятили моему “Введению”⁷.

Привет Вашей семье.

Желаю Вам всего наилучшего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе

Варшава, 25 марта 1911 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Много времени прошло с тех пор, как я получил Ваше последнее письмо. До настоящего дня ответить не мог. Вел переговоры с Общ[ественной] Пользой насчет издания книги. Требуют г-да директора, чтобы я “участвовал” в расходах по изданию. Не скажу, чтобы это было очень выгодно для меня.

Но так как я хочу освободиться уже от этой рукописи, то решил пойти на самые для меня невыгодные условия. Сначала я было решил успокоиться на том, чтобы рукопись покоилась

⁶ “Общественная польза” — издательство, существовало в Санкт-Петербурге в 1859–1911 годах.

⁷ Имеется в виду рукопись А.М. Деборина “Введение в философию диалектического материализма”.

где-нибудь у Вас или у меня, так как триста рублей для меня сумма “непосильная”. Но после долгих размышлений и переговоров с денежными людьми, я твердо решил деньги эти одолжить (проценты буду платить порядочные) и книгу издать. В книгу войдут еще три главы: об эмпирио-символизме, прагматизме и глава о Толстом. Глава об эмпирио-символизме была напечатана в Совр[еменном] Мире⁸, а глава о прагматизме и статья о Толстом еще нигде напечатаны не были. Кстати, должен выразить Вам особую благодарность за статью о Толстом⁹. После смерти Толстого у нас воцарилась необычайная растерянность. Люди доходили до того, что идеалистическое учение Толстого объявили чуть ли не самой “передовой” идеологией. Спасибо, что Вы вступили в борьбу с таким ложным пониманием и ложной оценкой учения Толстого. Мудрец должен бороться против ложной оценки вещей. Это его обязанность и его задача.

Итак, решив издать книгу, я прошу Вас распорядиться, чтобы мне выслали по адресу редакции газ[еты] “Дэр Фрайнд”, Варшава, Долгая 23 *заказным* письмом ту часть рукописи, которая хранится у Вас. И попрошу Вас это сделать чем скорее, так как не хочу терять времени. Господа из Общ[ественной] Пользы желают предварительно еще ознакомиться с содержанием рукописи. Доставим им это удовольствие.

На Ваш вопрос, получил ли я приглашение сотрудничать в московском журнале, могу ответить: нет, никаких приглашений ни от кого не получал.

Буду рад получить от Вас ответ и сведения о Вашем здоровье. С нетерпением жду Ваших писем. Мой привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Иоффе

[Варшава, 1911 г., 2-я пол.]

Дорогой Георгий Валентинович!

Я в долгу перед Вами. Вы просили сообщить Вам о получении рукописи. Рукопись получил, но писать не мог — такие сложились условия. Я просил одного нашего общего знакомого передать Вам лично мой привет и причину молчания. Надеюсь, что он это исполнил. С Общ[ественной] Пользой у меня, конечно, ничего не вышло. Сначала мне предложили взять на себя часть расходов, которая оценивалась приблизительно в 300 р. Эту сумму добрый человек хотел мне одолжить. Затем “часть расходов” превратилась в бóльшую часть, что мне было уже и не по силам и не выгодно. Я думаю, что эта история Вам уже достаточно надоела, а мне и подавно, а потому об этом довольно. Впрочем, еще одно слово. Написал я письмо Бончу¹⁰, предложил ему издать, но и он отказался ввиду отсутствия... читателя. Исчез читатель — вот общий вопль.

⁸ В виде рецензии на книгу П.С. Юшкевича, см.: Деборин А.М. Диалектический материализм и эмпириосимволизм. [Рец на кн.:] Юшкевич П.С. Материализм и критический реализм. СПб., 1908 // Совр. мир. 1908. № 10. С. 123–134.

⁹ См.: Плеханов Г.В. Карл Маркс и Лев Толстой // Социал-демократ (газ.). 1911. 13–26 янв.

¹⁰ Бонч-Бруевич В.Д. (1873–1955) заведовал большевистским издательством “Жизнь и знание”.

Как Ваше здоровье? Давно уже не имел от Вас никаких сведений. Буду очень, очень рад получить от Вас весточку,

Не знаете ли, где бы можно было пристроить статью о Толстом. Статья написана сейчас же после смерти Толстого. Отправил я ее в Совр[еменный] Мир, но так как наши взгляды в отношении жизнепонимания и роли Толстого расходятся, то Совр[еменный] Мир, конечно, отказался напечатать. Ничего против этого иметь не могу.

А вот “Человек — машина”¹¹ в русском переводе наконец появился. Сохранился ли у Вас еще мой перевод? Жалко, что нас опередили.

Будьте здоровы. Напишите по указанному адресу сейчас же, а то госпожа уедет. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе

Варшава, Ноября 9 дня 1912 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Я давно уже не писал Вам, и Вы, вероятно, уже забыли про мое существование. Я во всяком случае думаю о Вас постоянно. Теперь у меня к Вам спешное дело, и я Вас прошу, *очень* прошу немедленно ответить мне на это письмо, так как Ваш ответ хочу использовать для печати.

Дело в следующем. От Варшавы, как Вам известно, в депутаты выбран кандидат блока (п.п.с.¹² и бунда¹³), рабочий Ягелло. В Польше вообще, а в Варшаве в частности происходит ожесточенная борьба между польской и еврейской буржуазией. Польская буржуазия стремится к ограничению прав еврейской буржуазии, а вместе с ней и еврейского и польского пролетариата. На выборах в Четвертую Думу все группы польской буржуазии объединились для борьбы с “евреям” и выдвинули общую кандидатуру Кухаржевского, который публично высказался за ограничение прав евреев в местном самоуправлении, а равно и за борьбу с евреями в области экономической. В противовес польской буржуазии и еврейская выступила объединенно. И прежде всего она повела борьбу против кандидатуры Кухаржевского. Она требовала, чтобы польская буржуазия выставила “приемлемого” и для нее кандидата, т.е. такого, который стоял бы за равноправие евреев. Но польская буржуазия не “могла” пойти навстречу требованиям евреев и от своего кандидата не отказалась. С другой стороны, еврейская буржуазия не настолько сильна, чтобы она могла самостоятельно вести борьбу против польской буржуазии. Стало быть, своего кандидата она тоже не могла провести в Думу.

Еще задолго до выборов я все это предвидел и повел в местной демократической прессе агитацию за социалистического кандидата. Я первый открыто, в прессе, указал на *объективную* [слово “необходимость” зачеркнуто] возможность провести такого депутата от Варшавы [слово “который” зачеркнуто]

¹¹ Сочинение Ж.О. Ламетри.

¹² Польская социалистическая партия (ППС — Польская партия социалистична).

¹³ Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России.

при сложившихся в данном городе условиях. Но в противовес еврейской и польской буржуазии, в противовес польскому и еврейскому национализму необходимо было для этой цели противопоставить объединенный “левый” (т.е. с[оциал-]д[емократический]) блок и по городской курии. Левый блок провалился и не провел ни одного выборщика. Зато рабочая курия провела трех социалистов (одного п.п.с. и 2 п.с.д.¹⁴). Надежда противопоставить “национализму” — социализм, надежда использовать борьбу польской и еврейской буржуазии в интересах пролетариата хотя и была уже слабая, но окончательно не рухнула. Еврейской буржуазии я указывал в прессе, что для нее есть только один выход, если она серьезно борется за равноправие. И этот выход — отдать свои голоса представителю рабочих. Евреи на это пошли. Но тут оказалось, что п[ольские] с.д-ки [эсдеки] по “принципиальным” соображениям отказались от поддержки социалистической кандидатуры, которую намерены были поддерживать представители еврейской буржуазии. И оба [представителя] п.с.д. ушли из коллегии выборщиков, обнародовав “декларацию”, в которой говорится о том, что с[оциал-]д[емократы] не могут мол принять мандата из рук буржуазии. Мимоходом замечу, что ни в какие *блоки и соглашения* с евр[ейской] буржуазией никто не входил. В коллегии выборщиков остался, так[им] образом, только один [представитель] п.п.с, кандидатуру которого выставил левый блок. В коллегии выборщиков оказалось 34 поляка — представители польской буржуазии, и 46 представителей евр[ейской] буржуазии. Все еврейские выборщики отдали свои голоса единственному социалисту — рабочему Ягелло. Казалось бы, что это [нрзб, слово зачеркнуто] огромная идейная победа; казалось бы, что эту победу необходимо было использовать во всех смыслах. Но не тут-то было. Повсюду имеются *starre* доктринеры, которые затвердили азбуку, а дальше ни с места. Есть Ленин в штанах, есть Ленин в юбке и есть просто ленинские гермафродиты. “Принципиальная” мотивировка с-деков [эсдеков] во многом совпадает с мотивировкой польской буржуазии. Отказ с[оциал-]д[емократов] поддерживать кандидатуру рабочего — неслыханный скандал, а их резкое выступление *против* этой кандидатуры — позор на весь мир. Но дело не в этих моральных оценках. Дело еще в том, что в одном из последних номеров “*Leipziger Volkszeitung*”¹⁵ Роза Люксембург¹⁶ выступила со статьей [нрзб, фраза зачеркнута], в которой она нападает на депутата Ягелло — значит ко-свенно на всех, стоявших за соц[иалистического] кандидата — и на евреев. Нельзя же с[оциал-]д[емократу] нападать на евреев за то, что они голосовали за с-дека [эсдека] и смешивать их за *это* с грязью. Польская буржуазия использует все такие выступления в свою пользу. А если принять во внимание тот всеобщий экономич[еский] бойкот, который “поляки” проповедают по отношению к евреям *за избрание Ягелло*, если принять

¹⁴ Имеется в виду Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПЛ). Эта партия находилась в соглашении с РСДРП.
¹⁵ “Лейпцигская народная газета”.
¹⁶ Один из лидеров СДКПЛ.

АРХИВ

во внимание то погромное настроение, которое господствует среди польской буржуазии, то Вы поймете, на чью мельницу эти господа с-деки [эсдеки] льют воду. Травля евр[еев] со стороны польск[ой] буржуазии понятна, но травля со стороны людей, считающих себя с-дами [социал-демократами], травля за избрание Ягелло — это преступление. “Мнению” этих людей мне хочется противопоставить Ваши соображения. Вся польская бурж[уазная] печать ловит каждое слово, кот[орое] им выгодно. Необходимо, чтобы Вы высказались по этому вопросу так, чтобы Ваши соображения можно было использовать для печати. Очень прошу Вас в интересах дела не задерживать ответа.

Пишите, как Вы себя чувствуете, как теперь Ваше здоровье.
Привет Вашей семье.
Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Деборин

Пишите просто на имя редакции “Дэр Фрайнд”, Варшава, Электоральная, 41; без имени и фамилии и непременно заказным порядком.

Еще несколько слов. Это единственный, быть может, пример в истории, когда вся буржуазия (еврейская) единодушно голосовала за социалиста, полагая, что только социалисты способны отстаивать равноправие национальностей. Ведь это замечательнейший исторический факт. — Возникли сомнения относительно приема Ягелло в с[оциал-]д[емократическую] фракцию. Желательно, чтобы Вы высказались и по этому вопросу. Итак, вопросы сводятся к след[ующим]:

- 1) Считаете ли Вы тактику людей, отстаивающих при вышеуказанных условиях соц[иалистические] кандидатуры, правильной?
- 2) Считаете ли Вы возможным [нрзб, слово зачеркнуто], чтобы социалист [нрзб, фраза зачеркнута] воспользовался голосами буржуазии?
- 3) Считаете ли Вы тактику п.с.д. правильной?
- 4) Следует ли нападать на евреев за то, что они отдали свои голоса социалисту?
- 5) Каково Ваше мнение относительно приема Ягелло в с[оциал-]д[емократическую] фракцию? Затем общие соображения относительно [нрзб, слово зачеркнуто] положения Польши и относи[тельно] взаимной борьбы национальностей; роль соц[иалистов] в этой борьбе.

9/II 1913 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Очень благодарен Вам за Ваши строки и за Ваше ко мне расположение. Единственная мечта моя — это увидиться с Вами. К сожалению, материальные дела мои очень плохи, и о по-

ездке за границу я могу только мечтать. Я послал Вам статью о философских основах жизнепонимания Толстого. Критическая сторона статьи не разработана как вследствие того, что я предполагал написать брошюру и во второй части противопоставить толстовству основы жизнепонимания с точки зрения нашего мировоззрения с подробной критикой толстовства. Посланная же Вам статья представляет собой, таким образом, незаконченную еще работу, чем и объясняются крупные ее недостатки. Тем не менее, я Вам послал ее для помещения в Современнике¹⁷, если Вы это найдете возможным. Мне приходится работать при весьма неблагоприятных условиях, так как чуть ли не двенадцать часов в сутки работаю в конторе газеты, чтобы поддержать материальное свое существование. Впрочем, и этого, вероятно, скоро лишусь.

Если Вы стоите близко к Современнику, то не найдете ли возможным найти там для меня какую-нибудь постоянную работу. Быть может, мне бы согласились передать какой-нибудь постоянный, публицистический, скажем, отдел. В Современном Мире творится вообще что-то неладное. Лежит у них моя статья о прагматизме¹⁸ уже три года, и я не могу добиться, чтобы они ее напечатали. Я бы ничего не имел против редакции, если бы она нашла статью неподходящей. Но приняли же статью и держат ее в портфеле три года. Впрочем, Аллах с ними. При теперешних условиях нельзя и думать, видно, о постоянном литературном заработке.

Будьте добры ответить мне, может ли быть напечатана в Современ[еннике] статья о Толстом.

Ваши работы Все читаю, не пропускаю, разумеется, ни одной статьи. Желаю Вам только здоровья и долголетия, чтобы Вы работали много на пользу дорогого всем нам дела.

Будьте здоровы. Крепко жму Ваши руки и с нетерпением жду Ваших писем. Ваш А. Иоффе

Варшава, Августа 10 дня 1913 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Снова “деловое” письмо. Мне очень жаль, что мне приходится писать Вам только “по делам”, да еще “личным”. Ваше письмо относительно статьи о Толстом, а равно и самую рукопись я получил. Очень благодарю Вас за указания. Я вынес впечатление, что статья Вам не понравилась. Что статья изобилует повторениями, — это я хорошо знал. Я сам предупредил Вас, что она написана на скорую руку и при таких условиях, что об “отделке” я думать не мог.

Теперь у меня к Вам другое дело. Бонч-Бруевич согласен издать мое “Введение в философию [диалектического материализма]”. Я уже выслал ему рукопись и распорядился, чтобы Вам выслались корректурные листы, так как Вы в свое время

¹⁷ “Современник” — журнал, издавался в Петербурге в 1911–1915 годах.

¹⁸ См.: Деборин А.М. Прагматизм и религия // Совр. мир. 1913. № 4. С 1–22.

АРХИВ

KANTOR
 CODZIENNEJ
 SPOLECZNO-POLITYCZNEJ
 I LITERACKO-NAUKOWEJ GAZETY
 „DER FREUND”
 Warszawa, Elektoralna № 41.
 Telefon № 9123.

1867
 814.25.

קאנטאר
 פון דער צייטונג
 „דער פריינד”
 ווארשע, עלעקטוראלנא 41
 9123

Варшава, Августа 10 дня 1913.

Дорогой Георгий Валентинович!

Снова „домовое” письмо. Ино очень рада, что и вы приходите писать Вашим письмом „по домам”, да еще „личным”. Ваше письмо относительно статьи и Коллежам, а равно и самому рукописи я получила. Очень благодарна Вас за указание. Я конечно впервой раз, что читаете Ваше не поглавничая. Кто статьи представляет повторением, — это и хорошо знаю. Я сама представила Вас, что она написана на скорую руку и при ваших условиях, что об „издании” и думать не могла.

Теперь у меня к Вам другое дело. Франк-Бруевич согласен читать мне „Введение к философии”. Я уже ввела ему рукопись и расширила, чтобы Ваши высказались корректурные моменты. Вы в свое время об этом просили. Я сообщила Бруевичу, что Вы наша — рецензия написать предисловие или послесловие. Он этак, конечно, очень доволен. Но я считая своим долгом еще

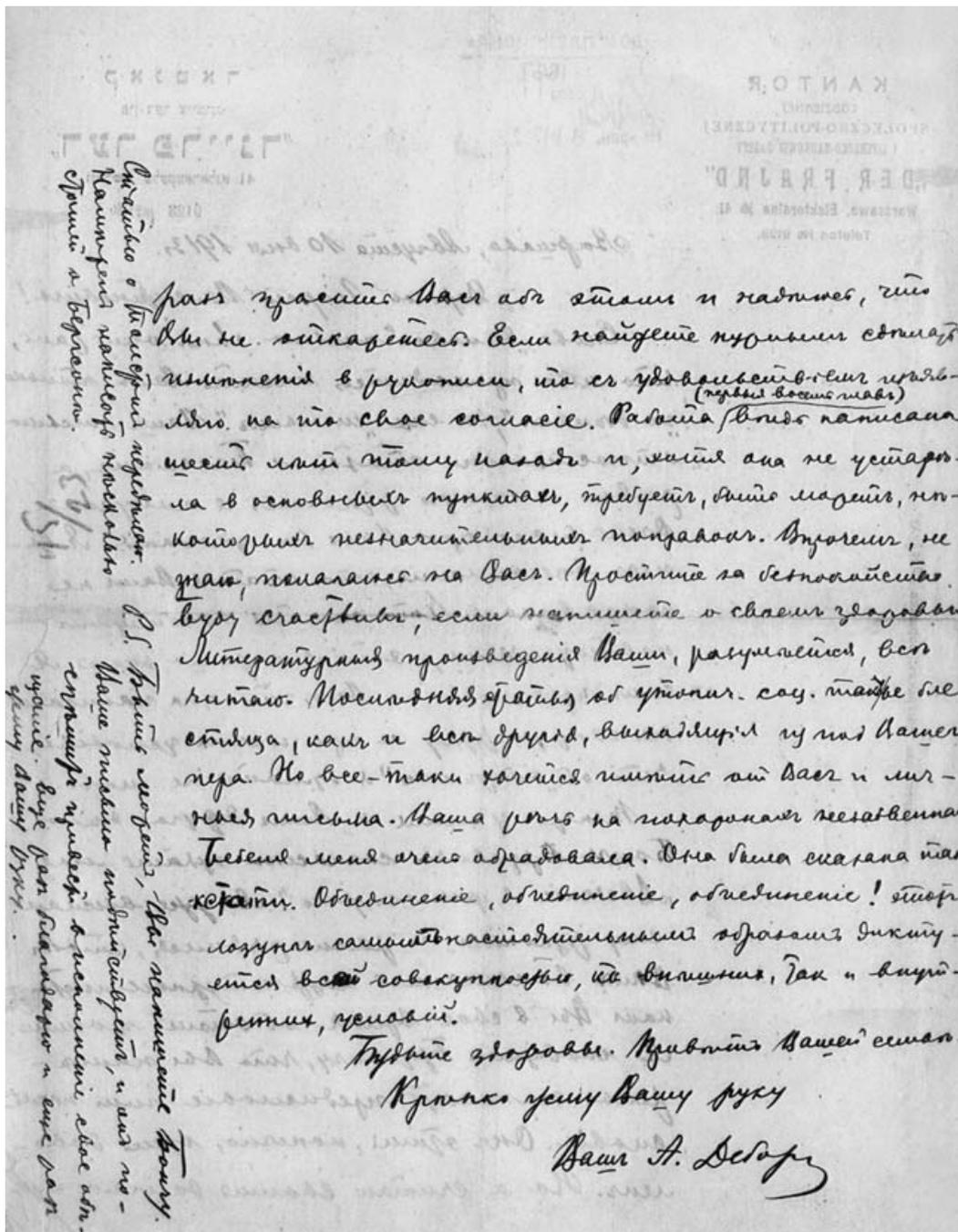
Адрес для телеграмм: Варшава „Фрайнд”.

Письмо (на бланке газеты „Дэр Фрайнд”) А.М. Деборина Г.В. Плеханову от 10 августа 1913 года

об этом просили. Я сообщил Бруевичу, что Вы намерены написать предисловие или послесловие. Он этим, конечно, очень доволен. Но я считаю своим долгом еще раз просить Вас об этом и надеюсь, что Вы не откажетесь. Если найдете нужным сделать изменения в рукописи, то с удовольствием изъясляю на то свое согласие. Работа (первые восемь глав) ведь написана шесть лет тому назад и, хотя она не устарела в основных пунктах, требует, быть может, некоторых незначительных поправок. Впрочем, не знаю, полагаюсь на Вас. Простите за беспокойство. Буду счастлив, если напишете о своем здоровье. Литературные произведения Ваши, разумеется, все читаю. Последняя статья об утопич[еском] соц[иализме]¹⁹ так же блестяща, как и все другие, выходящие из-под Вашего пера. Но все-таки хочется иметь от Вас и личные письма. Ваша

¹⁹ См.: Плеханов Г.В. Французский утопический социализм XIX века // Совр. мир. 1913. № 6, 7.

Письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову

речь на похоронах незабвенного Бебеля²⁰ меня очень обрадовала. Она была сказана так кстати. Объединение, объединение, объединение! Этот лозунг самым настоятельным образом диктуется всей совокупностью, как внешних, так и внутренних, условий.

Будьте здоровы. Привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Деборин

Статью о Толстом переделаю. Намерен написать несколько статей о Бергсоне.

P.S. Быть может, Вы напишете Бончу. Ваше письмо подействует, и он поспешит привести в исполнение свое обещание. Еще раз благодарю и еще раз жму Вашу руку.

²⁰ Бебель А. (1840–1913), один из основателей (1869) и руководитель немецкой социал-демократической партии и 2-го Интернационала.

АРХИВ

Варшава, Октября 24 дня 1913 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Несколько месяцев тому назад я написал Вам письмо, в котором сообщил Вам, что Бонч-Бруевич издает мою книгу. Так как я ему писал, что книга будет снабжена Вашим предисловием, то Бонч-Бруевич “требует” его у меня, а я, конечно, предисловия Вашего не имею. Я знаю, что Вы всегда завалены работой; поэтому меня не удивляет Ваше молчание. Хорошо понимаю, что Вам необходимо вторично ознакомиться с содержанием книги для того, чтобы написать предисловие. Ввиду этого я и просил Б[онч]-Бруевича, чтобы он высылал Вам корректурные листы. Кстати, Вы бы вносили необходимые на Ваш взгляд поправки. К сожалению, я ответа от Вас никакого не получил. Я лично, ценя Ваше время, удовлетворился бы, если бы Вы написали хоть несколько слов Бончу, а не мне лично. Ведь Б[онч]-Бруевич может мне и не верить; другое дело, если бы Вы ему сообщили, что намерены написать предисловие.

Мне всегда тяжело отнимать у Вас время и беспокоить Вас, но Вы своим теплым и добрым отношением ко мне сами дали мне это “право”. Я уверен, что Ваше отношение ко мне не изменилось, а потому я имею смелость снова обратиться к Вам с просьбой относительно предисловия. Я привык считаться с каждым Вашим словом. Вот статья о Толстом у меня лежит, и я не осмеливаюсь послать ее в редакцию журнала только потому, что она Вам, как я понял, не особенно понравилась. И книги я не могу издать без Вашего одобрения и без Вашего предисловия. Я бы, конечно, не имел смелости беспокоить Вас и просить Вас об этом, если бы Вы сами не вызвались это сделать. Впрочем, я думаю, что Вы не жалеете и не пожалеете также и в будущем. Итак, очень прошу Вас сообщить мне или Б[онч]-Бруевичу, когда намерены дать предисловие. Книга, очевидно, выйдет к январю.

Как Ваше здоровье? Хотя я очень ценю Ваше время, но все же, если хотите меня обрадовать, напишите письмо. Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе.

Адрес: Davos-Platz, Dr. J. Joffe.
Russisches Sanatorium

Варшава, Марта 3 дня 1914 г.
Дорогой Георгий Валентинович!

С великой радостью узнал, что в скором времени выйдет первый том Вашей “Истории русской общественной мысли”. Для меня это был сюрприз. С величайшим нетерпением буду ждать выхода в свет этого Вашего произведения, которое, несомненно, будет во всех отношениях замечательным

и выдающимся. Должен сказать откровенно, что когда я прочитал в “Русск[их] вед[омостях]”²¹ объявление о Вашей Истории, я от радости, что называется, подпрыгнул. День этот был для меня одним из самых радостных и счастливых в моей жизни и превратился в настоящий праздник. Прочитав объявление, решил поделиться с Вами радостью своей. История русской общ[ественной] мысли должна выйти именно из-под Вашего пера. Такая работа теперь более, чем когда бы то ни было нужна — теперь, после столь многочисленных неудачных попыток (Разумника et К°)²². Я убежден, что на Ваших произведениях вообще и в частности на Вашей Историки будут воспитываться поколения. И я радуюсь и радуюсь.

Я несколько виноват перед Вами, так как не ответил Вам на Ваше открытое письмо, посланное в Давос. Кстати должен [нрзб, два слова зачеркнуты] обрадовать Вас: я совершенно здоров и “благоденствую” в Варшаве. Если бы я мог очутиться за границей, то первый визит сделал бы Вам, если бы, конечно, здоровье позволяло. В Давосе мой брат, который действительно очень болен. Я же пока здоров — за будущее не ручаюсь. Пересылаю же письма брату для большей уверенности, что они дойдут по назначению.

Февраль месяц прошел, а Вы никаких гранок от Бонча не получили и предисловия не написали. Что будет с этой моей несчастной книгой — не знаю. С Бончем я столкнуться не могу. Поэтому я вынужден Вас просить, чтобы Вы потрудились написать ему. Объявления о выходе книги он печатал, но самая книга не выходит и не печатается. Какая у него произошла заминка — ума не приложу. Я думаю, что если бы Вы его “подогрели”, то он бы поспешил. Мне уже прямо неловко. Для меня “ликвидация” этой книги имеет значение еще постольку, поскольку не в состоянии взяться за другую солидную работу. Еще раз прошу сообщить ему, что Вы напишете предисловие — ведь он это знает только от меня. Вы можете и попросить его, чтобы он поспешил с изданием работы. Буду Вам очень и очень благодарен. Должны же Вы “позаботиться” о своих учениках. Надеюсь, что Вы исполните мою просьбу

Как Ваше здоровье? Если хотите доставлять мне удовольствие, пишите чаще и непременно уж о своем здоровье. Пожалуйста, не задерживайте ответа, так как брат мой остается в Цюрихе недолго. Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку. Желаю доброго здоровья и всего наилучшего.

Ваш А. Деборин

1) Адрес Бонч-Бруевича: С.-Петербург, Фонтанка 38, кв. 19. Издательство “Жизнь и знание”.

2) Мой адрес: Dr. J. Joffe
Zürich
Kantonsspital

²¹ “Русские ведомости” — газета, издавалась в Москве в 1863–1918 годах.

²² Иванов-Разумник Р.В. (1878–1946), историк и литературовед. Имеется в виду его “История русской общественной мысли” (1906).

P.S. Дорогой Георгий Валентинович!

Вы пишете, что рады тому, что наши отношения возобновились. Я был бы счастлив, если бы наша переписка носила более систематический и постоянный характер.

Варшава, Апреля 8 дня 1914 г.
Дорогой Георгий Валентинович!

Представьте себе мое огорчение: не получил Вашего письма. Из Цюриха мне сообщили, что выслали Ваше письмо, но вот уже прошло три недели с тех пор, а письма все нет. Письмо, видно, попало в ненадлежащие руки. Главным образом меня огорчает, что я не знаю даже содержания письма. Вы так редко пишете, и должно же случиться так, что именно Ваше письмо затерялось.

Беда одна не приходит. От Бонча узнал, что задержка в деле издания книги происходит не по его вине. Он мне сообщил, что Вы ему писали. Чрезвычайно тронут Вашей заботливостью²³.

С радостью узнал, что уже вышел в свет первый том Вашей Истории. Я еще книги не видел.

С нетерпением жду также появления Вашего еженедельника, который, надеюсь, сыграет решающую роль в деле объединения.

Еще раз выражаю свое глубокое сожаление по поводу пропажи Вашего письма. Мне совестно просить Вас написать “копию”. Но мне также тяжело остаться в неведении насчет его содержания. Мне так дорога каждая Ваша строка, что потеря письма составляет для меня прямо несчастье.

Напишите непременно, как Ваше здоровье. Всего Вам наилучшего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе

Адрес: Herrn Dr. J. Joffe, Lokamo Poste-restante.

²³ В.Д. Бонч-Бруевич 28 марта 1914 года написал Г.В. Плеханову о том, что книга А.М. Деборина в феврале была отдана в набор, но печатание было приостановлено из-за забастовки типографских рабочих (см.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова: в 3 т. Т. 3. М., 1974. С. 291).

Елисаветград, 6/IX — 1915 г.

Дорогой Георгий Валентинович,

Сегодня я получил от Вл. Дм. Бонч-Бруевича письмо, в котором он жалуется, что не может выпустить в свет мою книгу за неимением Вашего предисловия.

Я Вам несколько раз уже писал об этом, но ответа получить, разумеется, не мог. Набор давно уже готов, и мы только и ждем Вашего предисловия. Вы знаете, что о Вашем предисловии я мечтаю, что [нрзб, фраза зачеркнута] без Вашего предисловия я не согласился бы выпустить книгу в свет. Книга теряет для меня всю ценность (общественную), если она не будет снабжена Вашим предисловием. Ввиду этого я еще раз прошу

Вас, дорогой Георгий Валентинович, поспешить с предисловием. Теперь как раз время выпустить книгу в свет. Не следует забывать, что прошло уже ровно восемь лет, как она написана, и мне стоило уже много здоровья, что нельзя было выпустить ее в свет раньше.

Очевидно, мои письма до Вас не дошли; в противном случае я себе не представляю, чтобы Вы не исполнили моей просьбы. На этот раз, надеюсь, письмо мое дойдет уже по назначению, и Вы не замедлите выслать Бончу предисловие. Я Вас очень и очень прошу поспешить. Имею основание думать, что Вы мне в этой моей просьбе не откажете. Конечно, в другое время я писал бы Вам больше и не был бы, вероятно, так далек (расстоянием, конечно) от Вас. К сожалению, теперь такие времена, когда все темы, так сказать, “исчерпаны”. Трудно писать о чем бы то ни было ввиду переживаемого ужаса. Я даже и просить Вас сейчас не могу и не умею. Все кажется таким ничтожным и мелким перед лицом того великого и страшного, свидетелями которого мы являемся.

Мне бы так хотелось знать, как Вы себя чувствуете. Читая, однако, Ваши статьи, я убеждаюсь, что Вы здоровы. Буду надеяться, что Вы действительно хорошо себя чувствуете, и что Вы в состоянии много работать. Мне бы страшно хотелось получить от Вас хоть несколько строк, но, к сожалению, у меня нет сейчас постоянного места жительства. Ведь я на положении беженца. Впрочем, если у Вас будет охота, можете написать по адресу Бонча или Совр[еменного] Мира. Я буду счастлив получить от Вас весточку.

Еще раз повторяю мою просьбу относительно предисловия. Пожалуйста, не задерживайте. Очень бы хотелось покончить с этой работой.

Будьте здоровы. Привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Деборин

[Воронеж, 3 апреля 1917 г.]

Телеграмма № 0263

Плеханову. “Европейская” гостиница.

Петроград =

Михайловская ул. 1

Счастлив приветствовать дорогого учителя и идейного вождя революции и социализма в свободной России = Иоффе-Деборин. Мало Дворянская 63